

**ТИМОФЕЙ
ПЕЧЕРИН**

**По следам
Разрушителя**

2017

Не зря она тревожит местных жителей — загадочная аномалия в лесу под одним из городов российской глубинки. Ученые разводят руками. Пропадают люди... но некоторые потом возвращаются. Принося с собой предметы, что выглядят как драгоценности, но обладают свойствами, опять-таки не поддающимися разумному объяснению. Но есть люди, которые не привыкли бояться. Как, впрочем, верить и просить. Эти люди предпочитают сами брать все, что им приглянулось. И вот, обвешанные огнестрельным оружием, они проникают через лесную аномалию в мир меча и магии. Движет лихими людьми жажда богатой добычи. А ждет первая в истории война миров. Маленькая и, разумеется, победоносная... для одной из сторон. Жарким пламенем разгорается другая война — между варварами и магической Империей. А тем временем Илья Криницкий, которого в этом мире считают Разрушителем Магии, отправляется в загадочные Темные Земли. На поиски Колдуньи и Вора, чья помощь нужна для исполнения старинного пророчества.

Тимофей Печёрин
По следам Разрушителя

На свете Виктор Каледин прожил чуть больше полвека. И сетовать на эти многочисленные, оставленные за спиной, годы, почитая их прожитыми зря, ему бы и в голову не пришло. Даже в пьяном угаре. Да под какую-нибудь тоскливую, с претензией на задушевность, музыку.

Какое там! Достиг Каледин немало. Причем особняк, похожий на крепость, сверкающий глянцем внедорожник (да не один еще!) были лишь верхушкой айсберга, вишенкой на торте его успеха. Как, кстати, и супруга, по возрасту годившаяся Каледину в дочери.

Что до секрета его преуспевания, то был оный не из тех, что обожают смаковать лощеные моложавые предприниматели на бизнес-семинарах и страницах глянцевых журналов. Своим положением Виктор Каледин был обязан во многом тому факту, что не просто оказался в нужное время в нужном месте. Но имел счастье в нужном месте — родиться.

Да, родной городок Каледина, ныне превращенный в его бизнес-вотчину, в смысле экономического веса ничего выдающегося собой не представлял. Зато удачно располагался. Это через него проходили, например, маршруты поставок наркотиков из Афганистана и Средней Азии в направлении обеих российских столиц и дальше, в Европу. Как и встречный поток оружия — с запада на юго-восток, да с заметным ответвлением просто на юг: в руки террористов, мутящих воду на Кавказе и Ближнем Востоке.

Хватало, впрочем, и товаров обычных — мирных и безобидных, законом не запрещенных. Они тоже проходили через руки калединских подельников, приспешников и прислужников, через подконтрольные ему фирмы. Группы крепких ребят при стволах и бронежилетах сопровождали грузы до следующей, такой же перевалочной базы на карте страны. Сотрудники другого вида — более цивильного, при пиджаках и айфонах — улаживали дела с таможней и иными ведомствами. Чье излишнее внимание могло задержать в пути даже столь мирный груз, как кошачий корм. Ну, если, например, оный корм изготавливался и доставлялся с пренебрежением к нормам санитарии.

Про груз другого рода — так или иначе предназначенный нести смерть — и говорить было нечего.

На малой родине у себя Виктор Каледин слыл фигурой легендарной и почти всемогущей. Мог вроде даже к мэру зайти просто «на огонек» — без предупреждения и формальностей вроде записи на прием. И все же до настоящих «акул», водящихся в мировом океане товарных и финансовых потоков, Каледину было далековато.

Начать с того, что счет для «акул» идет не на партии оружия или наркотического порошка — даром, что крупные. Но на заводы-газеты-пароходы, месторождения и изрядные куски международных корпораций. Настоящие «акулы» не прозябают в провинциальных городках, предпочитая обитать среди небоскребов столиц и мировых финансовых центров. И уж конечно, с уголовной публикой «акулы» не якшаются. Ну, по крайней мере, лично.

А главное — в сети правосудия «акулы» обычно не попадают. За исключением тех редких случаев, когда большому бизнесу дорогу заступает политика, столь же немаленькая. Для Каледина же редкий год проходил без необходимости понервничать и раскошелиться. Отбивая атаки то спецслужб, то Следственного комитета, то излишне щепетильных (по

неопытности, конечно!) посланцев из Москвы или областного центра.

Да, Каледин себя не переоценивал. Но и, как уже говорилось, не сокрушался — не имел такой склонности. И не очень-то сам стремился сменить родной городок хотя бы на Москву, а достигнутое положение на высшую лигу бизнеса. Вообще не стремился, говоря начистоту. По примерно той же причине, по какой первый парень на деревне не рвется к огням большого города.

Несмотря на возраст, Виктор Каледин держал себя в форме, оставаясь бодрым и крепким. Да и жену молодую держал при себе неспроста. И едва ли просто как элемент декора. А в довершение портрета Каледина упомянем его лицо. Каменную, почти неподвижную, не выражавшую эмоций физиономию-маску, что пришлась бы впору какому-нибудь языческому божеству — ответственному за войну, например. Или за иную неприглядную сторону жизни.

С таким лицом Каледин привык смотреть не то в упор на собеседника, не то сквозь него. И тем успел прославиться в соответствующих кругах еще лет двадцать назад. Во времена разборок с конкурентами или гастролерами откуда-нибудь с юга.

Самообладание Виктор Каледин с той поры выработал соответствующее. А вот собеседник его теперешний ничем подобным похвастаться не мог. Растерянное выражение, бегающий взгляд, время от времени бросаемый на двух мордovorотов, замерших за спиной, поближе к единственному выходу из кабинета. Да и возрасту в этом типчике было лет на двадцать меньше. Весь какой-то нескладный и дерганый — в калединской системе координат он числился где-то между глистом и «соплей зеленою».

Насколько было известно хозяину кабинета, звали того типчика Занозой.

«А ведь погоняло-то у него... женского рода, — посетила Каледина непрошенная мысль, — не дай бог с таким на зону загреметь! Контингенту тамошнему и меньшего повода достанет, чтобы прицепиться. То есть, кому-то прицепиться, а кому-то даже и пристроиться...»

Разумеется, и это невольное сочувствие к визави никак не проявилось на лице хозяина кабинета. Потому Заноза об оном не знал. Так и продолжал ерзать на крутящемся стуле да попеременно коситься то на мордovorотов, то на дверь, то на Каледина.

А вот последний оставался спокоен аки слон и никуда не спешил. Медленно, с расстановкой и, не сводя с гостя пронизывающего взгляда, он извлек из выдвинутого ящика стола блеснувшее золотое украшение. Что-то вроде бороды или макраме из цепочек.

При виде ее Заноза ерзать и трепыхаться тотчас же перестал. Но и не успокоился. А, напротив, побледнел и покрылся потом.

— Эта цацка, — веским тоном отчеканил Каледин, — я поручил разобраться с ее происхождением.

— Да-да! — с торопливостью вспугнутого воробья выпалил Заноза, — помню, конечно. Как раз этим мы и занимались... мы с Кирпичом...

«Вот просто не мог напарника не упомянуть, — внутренне посетовал хозяин кабинета, — мы, видите ли, занимались. Мы, как же! Небось, еще и начнет на этого Кирпича валить все. Как будто я не знаю, что Кирпич из них двоих — просто пара кулаков. А мозги... хотя бы минимальные, имеются только у Занозы».

— ...вот летом как раз и занимались, — лепетал между тем его гость-собеседник, — да-да... именно так.

— Летом занимались, — поймал его на слове Каледин, — итак, лето кончилось.

Причем уже месяц как. А донесений от вас я так и не дождался.

— Ну, донесения... да будут вам донесения, Виктор Захарович! Мы ведь с Кирпичом, — Заноза и не сей раз не удержался от этого ну шибко важного уточнения, — мы ведь «Васю» одного намотали. Он местным шестерил, да и накосячил. Вот и отвезли в тот лесок. Чтоб, значит, в ту хрень загадочную слазил и все выяснил.

— Вот как? — Каледин хмыкнул, — а вы не забыли, что «местные» — это, прежде всего, я? Не могли у меня спросить? Насчет этого «Васи»?

На последних фразах он допустил в свой тон хотя бы что-то живое. Едва заметное выражение недовольства.

— Вот-вот! — с готовностью подхватил в ответ Заноза, — я сам Кирпичу точно так и говорил! Но в итоге мы решили, что шнырей таких много... а результат важнее. Вот!

— Трудно спорить, — молвил на это Каледин, — а коль так, то где же результат?

— Вы про косячника того? — словно бы не понял вопроса его собеседник, — так он... того. Без вести пропал. Возможно, погиб. Назад, во всяком случае, не вернулся. На связь не выходил. Выяснить что-то точнее тоже... оказалось невозможно.

— Невозможно составить слово «вечность» из букв «о», «п», «ж» и «а», — отрезал хозяин кабинета, — а остальное — дело техники. Как следует из ваших слов, Заноза, вы скормили лесной аномалии человека и ничего при этом не выяснили. Ничего не добились и после палец о палец не ударили. А тем временем цацка эта неслабо напугала мою Элечку. Весь дом бедняжка разбудила, чуть голос не сорвала...

— Ой, да что в ней страшного, — выдавил из себя Заноза некоторое подобие улыбки, глядя на украшение, лежащее на столе перед собой.

— Яблоко от яблони недалеко падает, — ответ Каледина был по-философски многозначительным и уклончивым, — цацка-то сама аномалией оказалась. Кстати, барыга, вынесший ее, тоже не вернулся, али как?

Заноза в ответ только плечами пожал.

— То есть, может быть да, а может, и нет, — так истолковал его жест хозяин кабинета, — вы двое забыли... или, скорее, забыли на такую возможность. Не проследили, а, следовательно, благополучно упустили и этот источник информации тоже. Я прав?

— Ну... получается, что да, — Заноза вздохнул, — мы с Кирпичом...

— Надоело слушать про Кирпича, — перебил Каледин, — итак, подведем итоги. Про аномалию в лесу по-прежнему известно только то, что люди в ней бесследно исчезают. Про цацку — тоже немного. Что достал ее барыга из аномалии, и потому оказалась она чем-то явно большим, чем просто украшение. Чтоб узнать большее, в вашем... точнее, нашем распоряжении имелось два источника: барыга и этот ваш... «Вася». Но первый в бегах, второй тоже то ли пропал, то ли погиб. Это с ваших слов, надеюсь, не забыли?

Заноза молча и нехотя кивнул. Крыть слова хозяина кабинета было нечем.

— А Элечка моя напугана. Да и я, признаться, встревожен. Ведь фокусами с перемещением предметов в воздухе эта золотая вещица может и не ограничиться. Что дальше от нее ждать — вопрос на лимон баксов. И какие в этой связи будут предложения?

Ответа Каледин прождал для формы — секунд тридцать. Тридцать ударов сердца, за время которых Заноза робко помалкивал, снова заерзав на стуле. От мордovorотов у двери ответа тем более ждать не приходилось. Так что хозяин кабинета ответил сам:

— Раз предложений нет, остается одно. Лично брать ситуацию в свои руки.

За этой репликой последовал вздох облегчения со стороны Занозы. Столь глубокий, что

был похож на завывание вьюги зимой.

— Конечно-конечно, — пролепетал гость, расплывшись в угодливой улыбке, — действительно, что ж еще остается-то?..

Следом Заноза поднялся было со стула, торопясь улизнуть. Но тяжелая ладонь одного из мордovorотов остановила его. Прижала, заставив сесть обратно.

— А вы куда собрались, уважаемый? — вопрошал хозяин кабинета, — у меня, знаете ли, тут план созрел... и ваша роль в нем — одна из главных.

— А наша... с Кирпичом? — только и мог спросить Заноза. Робким голосом и со столь же робкой надеждой.

То, что единственная дорога в Темные Земли будет сопряжена с опасностью, да не одной, Илье Криницкому и его спутникам сообщили еще в начале пути. Что дорога эта далеко не прямая, что без помощи Проводника в переплетениях пронизавших горы туннелей легко заблудиться — очень скоро стало ясно по мере движения через них. Но что помимо этих неприятностей, очевидных или заранее оговоренных, путников могут ждать сюрпризы (конечно же, неприятные!) даже Проводник то ли запомнил, то ли не удосужился сообщить.

Земляной пол туннелей и гротов был отнюдь не монолитным. Кое-где плотная и жестковатая на ощупь земля сменялась каменистыми участками. Имелось таковых аж три вида. Вид первый — почти монолит, шагать по которому лишь жестче и холоднее. Второй вид: россыпи камней, крупных и разных, а в большинстве своем все-таки, увы, мелких и острых. В этом случае идти приходилось осторожно, мелкими шажками и, разумеется, поглядывая под ноги. Чтобы не напороться.

«Просто минное поле какое-то!» — сокрушался про себя Илья, преодолевая один из таких участков.

Но имелся еще и вид номер три. С нагромождениями каменных плит, похожими на развалившиеся стопки книг или колоды игральных карт. Были те нагромождения недостаточно высокими, чтобы совсем преграждать путь через очередной туннель. Однако имели значительную протяженность, в силу чего перепрыгнуть их было невозможно, обходить — долго. И не всегда для обхода хватало свободного пространства.

Приходилось преодолевать эти плиты напрямик, взбираясь на них — добро, хоть совсем невысоко. Передвигаться по ним приходилось даже с меньшей, кажется, скоростью, чем через россыпи мелких камешков. А с осторожностью — большей. Поскольку, сваленные как попало, составляли плиты конструкцию неустойчивую. То покачивались, то кренились куда-нибудь в сторону под каждым шагом.

Нелегко было на этих плитах хотя бы удержать равновесие. Не говоря уж о большем. Но этим сомнительные прелести преодоления нагромождений не исчерпывались. Илья о том догадался, заметив выражение лица Проводника — напряженно-тревожное всякий раз, стоило впереди показаться очередной «развалившейся стопке».

Коль пугали они даже этого человека — в профессию превратившего сопровождение путников в Темные Земли — опасность в этих несуразностях рельефа и впрямь таилась серьезная. Можно было даже догадаться, какая именно... хотя бы задним числом.

Вот встретилось очередное нагромождение — и из четверки путников, ступивших на его плиты, на земляной пол по другую сторону сошли только трое. Этим повезло: плиты под их ногами лишь покачались, а одна чуток накренилась.

А вот у кого из четырех везения не хватило — ответить несложно. А при желании можно было и предсказать. У той, кто, по обыкновению делаясь своей фантастической удачей со спутниками, себе не оставляла почти ничего.

Просев под легкой... увы, недостаточно легкой поступью Киры, плита ухнула вниз. Увлекая за собой девушку в небольшой туннель или лаз, словно прорытый гигантским земляным червем.

Малрану и Илье, обернувшись на испуганный визг Киры и бросившись на выручку.

оставалось лишь надеяться, что их спутница не расшибется. Кое-какие основания для такой надежды, кстати, имелись. Осторожно присев и посветив факелом, Криницкий заметил, что туннель идет не отвесно, а под заметным наклоном.

Хоть отчасти, но надежда оправдалась. Целехонькой и относительно невредимой, Кире удалось проскользнуть через этот туннель-аппендикс. И шлепнуться на рыхлую, чуточку влажную, землю, устилавшую обнаруженную за ним пещеру.

Насколько велика была пещера — оценить в темноте было трудно. Но, наверное, было в ней просторно, места имелось много. Об этом Кира догадывалась на том основании... что очень скоро ей сделалось не до изучения собственноручно открытого подземелья.

Множество мелких злых глаз разом вспыхнули во тьме. Опять пауки? Да нет: нетрудно было заметить, что эти глаза составляли пары, а не скопища по нескольку штук. А гневное шипение десятков глоток и шелест от скольжения по земле тонких гибких тел, подсказывали, что именно за создания населяли подземный грот.

— Помогите! — вскрикнула Кира, рефлекторно пятясь, прижимаясь спиной к ближайшей из стен, — тут змеи... много змей! Да помогите же скорее, дракон вас сожри!

Ее высокий, чуть охрипший, голос эхом отдавался от стенок туннеля, дрожа от смеси страха и нетерпения.

Не то чтобы Кира была трусихой. Проведя большую часть жизни то в бродяжничестве, то среди разбойников или других людей, пытавшихся приспособить ее странный дар в своих рискованных делишках, к опасности эта девушка, напротив, успела привыкнуть. Как-то раз ее даже прихватил с собой в наступление командир имперского легиона. Да сунул в гущу битвы с воинством варваров под предводительством Малгора Краснорукого.

Для варваров та битва закономерно окончилась разгромом и бегством. Даже невзирая на двукратное численное превосходство. Сам Малгор вообще прямо с поля битвы отправился в царство мертвых. А Кира, хоть и осталась жива, но страху успела натерпеться — аж портки под конец обмочила.

Так вот, даже тот страх рядом с теперешним казался девушке мелочью. Досадным и конфузным пустяком. Даже перед лицом звероподобных варварских воителей... как, впрочем, и имперцев, способных зарубить просто мимоходом, в пылу схватки, Кира так не боялась. Подумаешь, варвары! Даже варвары — люди, даже от них можно дожидаться хоть немножечко милосердия. Наверное. Но не от змей, этих тварей, холодных и скользких, как боевая сталь. Как бездушное оружие, коему все равно, кого разить.

Еще в детстве Киру пугали змеями. И девушка пронесла этот страх через годы.

— Хватайся! — донеслось сверху, а затем из туннеля выскользнула веревка, — хватайся и поднимайся... мы тебя поднимем.

Веревка была довольно длинной. Так что Кира имела все шансы выбраться с ее помощью из змеиного грота. Но вот беда — от входа в туннель девушка успела отступить. И теперь между нею и веревкой оказались сразу несколько змей. С голодным шипением надвигались они на свою нежданную добычу. Девушка чуть ли не ощущала, как нетерпеливо трепещут в их пастьях тонкие языки.

— Не могу! — крикнула она оставшимся наверху спутникам, — змеи путь преградили. Их много, и...

О том, чтобы силой пробиваться к выходу, не могло быть и речи. Ни арбалет, ни метательные ножи, имевшиеся в арсенале Киры, для этого не годились. Да девушка и забыла про свое оружие, едва ль не оцепенев от нарастающего ужаса.

К чести Ильи и Малрана, схватки с многочисленным противником они не испугались. Сперва юнец-варвар ловко соскользнул в пещеру, осторожно держа в руке горящий факел. Затем, крихтя, из туннеля-аппендикса выбрался и бывший актер Криницкий. А в следующий миг уже выхватил из ножен меч.

Вид открытого огня не то чтобы припугнул шипящих обитательниц змеиногo грота, но хотя бы заставил их остановиться. Почувяв опасность, сдерживаемые инстинктивным страхом диких животных перед всепожирающим пламенем, ближайшие из змей замерли в нерешительности. Равно готовые и сдать назад, и рывком броситься на людей.

Впрочем, времени, чтобы сделать выбор, им не дали. Коротким резким ударом, меч Ильи разрубил одну из змей пополам. А в следующее мгновение уже обрушился на ее шипящую товарку. Не отставал и Малран, принявшийся орудовать клинком налево и направо. Но прежде протянул факел Кире.

— Посвети... хотя бы, — бросил он при этом.

А Кира про себя порадовалась, что всего пару часов назад настояла на том, чтобы факел несла не одна она, но Илья с Малраном тоже, по очереди. Хотя бы в отсутствие явной опасности и необходимости драться. Не взбунтуйся девушка заблаговременно, не воспротивься этой своей обязанности — и лишилась бы вся честная компания с ее падением единственного источника света.

Не иначе как опять... повезло.

Сраженные мечами, змеи падали одна за другой. Вот только все не переводились — видимо, пещера, служившая им домом, оказалась просто огромной. Из ответных атак скользкого чешуйчатого племени, правда, ни одна не была успешной. Вот только, увы, пока. И Илья Криницкий, и его юный наставник, и их вжавшаяся в стену спутница, понимали: силы двух воинов-людей не бесконечны. Рано или поздно их не хватит на очередной рывок и удар. Или на уклонение с достаточной скоростью и ловкостью, чтобы избежать встречи со змеиными зубами — ядовитыми, скорее всего да согласно закону Мерфи. И тогда...

Вот одна из змей изловчилась и проскользнула под клинком Ильи. Целила она, похоже, в руку, но... не успела дотянуться. Сапог Криницкого обрушился на тонкое тельце и прижал к земле, а павшее сверху острие клинка поставило точку в той безуспешной атаке.

На этот раз безуспешной...

Илья не успел даже дух перевести — неутомимые змеи из числа еще живых не дали ему такой возможности. Еще одна, метнувшись в его сторону, подобралась угрожающе близко. И лишь подоспевший клинок Малрана успел остановить ее.

В последний миг...

— Чувствую, в этой битве нам не победить, — первым озвучил общую на троих неутешительную мысль бывший актер, судорожно вздыхая и морщась от пота, начавшего уже стекать со лба в глаза, — отходим побыстрее... валим. Дамы впе...

Последняя фраза, с которой Илья обратился лично к Кире, так и осталась незаконченной. А сам Криницкий замер на месте с открытым ртом, лишь ощущая, как неведомая сила вцепилась ему в голову... изнутри, словно железной хваткой сжала мозг.

То же самое чувствовали и Малран с Кирой — так же застывшие, точно насекомые в янтаре. Одно радовало: яростные атаки несметных змеиных полчищ также враз сошли на нет. Хотя радоваться, как вскоре оказалось, тут было нечему.

Немного сдав назад, ползучие гадины замерли на месте в боевых стойках. Готовые к броску, они еще напоминали цифры «2». А в темной глубине пещеры, куда не дотягивался

свет факела, зажглась еще одна пара глаз. Заметно больше остальных.

«Ш-ш-ш-што?» — хотел проговорить, но смог лишь беспомощно прошелестеть, едва шевеля языком и губами, Илья Криницкий. Ответ на его вопрос ждать себя не заставил. Очень скоро явившись воочию и во всей красе.

Огромное тело показалось из темноты: змея, толщиной с колодезный ворот. О длине ее оставалось только догадываться — причем с содроганием. Мельком Илья заметил, как судорожно и беззвучно шевелил губами Малран. Не то грязно ругался, не то молился своим варварским богам.

Медленно, словно смакуя момент триумфа, исполинская змея надвинулась на трех человечков. Голова твари остановилась в шаге от них, замерла. Змея не торопилась — уверенная, не иначе, что никуда добыча от нее не денется. Желтые, поблескивавшие в полумраке, глаза уставились на Илью и его оцепенелых спутников. Оценивающе уставились. Так посетитель ресторана изучает меню, прицениваясь и определяясь, с какого из блюд лучше начать трапезу.

В итоге выбор подземного чудища пал на Киру. Что, в общем-то, было и понятно — у хрупкой девушки и мясо нежнее, и косточки тоньше. Вот только самой Кире вовсе не хотелось угодить в змеиный желудок.

Не хотелось... как видно, очень сильно. Потому что, даже несмотря на сжимавшие ее голову невидимые тиски, девушке достало-таки воли и сил на единственное движение. А может, решившись сожрать ее, змея чуток расслабилась и ослабила хватку. Как бы то ни было, но как только голова чудовища устремилась к Кире, та неуклюже взмахнула рукой, все еще сжимавшей факел. Горящий. Словно попыталась таким способом отгородиться от приближающейся смерти.

И это движение — с виду нелепое и бессмысленное — спасло жизнь всем троим. Язычок пламени, даром, что крохотный и незаметный по сравнению с телом змеи, соприкоснулся с чешуей. И хоть гигантская тварь не была сухим деревом, что только бы и вспыхнуло разом от такого прикосновения, но огонь нес боль. А боль способно ощущать все живое. Включая вроде бы даже растения. Что уж говорить о любом представителе животного царства.

Боль заставила змею не только инстинктивно отпрянуть. Исчезла и невидимая хватка, коей чудовище удерживало трех человек. А те не преминули воспользоваться выпавшим шансом.

Рука Ильи, сжимавшая рукоять меча устремилась вперед. Острие клинка достигло чешуйчатого змеиного тела... но лишь бессильно скользнуло по нему.

А вот Малран оказался посообразительнее. Так что его атака увенчалась куда большим успехом. Клинок свой юноша-варвар направил прямо в пасть змее. Зубы твари, тонкие и острые, словно гвозди, со щелчком сомкнулись на полоске стали... чтобы в следующий миг превратиться в крошево и бессильные обломки. Металл оказался крепче.

Удачным вышел и следующий удар Криницкого. Попытка разрубить массивное тело мечом, правда, успехом не увенчалась. Зато клинок оставил глубокую рану.

Содрогнувшись от боли, змея затем резко подалась назад, то ли отрываясь пастью от меча Малрана, то ли тщаь вырвать оружие из его рук. Последнее ей оказалось не под силу. И варвар, оставшийся при верном клинке, снова пустил его в ход. С проворством подскочив к твари, он рубанул ее мечом по голове. Отрубить не смог... но явно ошеломил.

Еще одну рану принес удар меча Ильи Криницкого. Тот все еще не терял надежды

превратить одно живое чудище в две безобидные мертвые половинки.

И попытка эта едва не стала для него роковой. Резко извернувшись — весьма неожиданно для столь массивного тела — змея ловко обхватила тело бывшего актера. Обхватила и сжала. Причем, что хуже всего, вместе с рукой, державшей меч. Так что поднять ее и воспользоваться своим оружием Криницкий теперь не мог.

Чешуйчатое кольцо сжалось, сдавливая Илью с крепостью колодок и стальных оков. Только что костей не ломая... пока. А пасть уже нацелилась на голову человека. Да, укусить змея уже не могла. Но вот проглотить была еще в состоянии — размер пасти, когда она распахнулась, был вполне подходящий.

Спасение, как порой бывает, пришло с неожиданной стороны. Кира, до сих пор лишь наблюдавшая за битвой с осознанием собственной бесполезности, почему-то тоже решила вступить в игру. Нацелив арбалет и выстрелив... девушка умудрилась попасть змее прямо в глаз. Мало ли, что прежде похвастаться меткостью она не могла. Но ведь зато могла — везением. Если оное везение помогает спасти жизнь тем, кто рядом.

Забыв про добычу, змея судорожно замотала головой, словно пытаясь вытряхнуть арбалетный болт из головы. Кольцо вокруг Ильи Криницкого между тем разжалось. И бывший актер, спешно выскользнув, еще и успел атаковать. Его клинок, ударивший сверху, пронзил чешуйчатое тело насквозь, пригвозждая к земляному полу.

«Мышка пробежала, хвостиком махнула...» — шепотом процитировал еще Илья сказку про Курочку Рябу.

Разумеется, чтобы надолго удержать гигантскую тварь, сил человека, даже вонзающего меч, было недостаточно. Но много времени и не потребовалось. Малрану. Чтобы с громогласным боевым кличем, похожим на злорадный хохот, подскочить к змее и ловким ударом, наконец, отсечь ей башку.

Миг — и на месте грозного кровожадного чудища оказалась валяющаяся на земляном полу груды мяса, обтянутая чешуей.

— Уф, — выдохнул варвар, вытирая пот, а затем повернулся к Кире, — а я тебя недооценил, девчонка. Кое-что, смотрю, и ты можешь.

И с этими словами одобрительно похлопал девушку по плечу.

— А вот ты... — обратился Малран уже к Илье, — ты мог бы и применить свою способность-то холеную. Эта змеюка-то... да сам ведь помнишь. Чтобы нас сожрать, для начала магией какой-то зацепила.

— Моя способность тут ни при чем, — парировал Криницкий, — обычно она срабатывает без моего желания... как тогда, на заставе. А если не сработала, значит, никакой магии не было. Видимо, у змеи тоже своя способность... врожденная. Обычные-то змеюки тоже кое-что могут. Кроликов, я слышал, заставляют замереть... обезьян. А эта тварь просто посильнее оказалась.

С последним доводом по понятным причинам никто не спорил.

— И что дальше? — подала голос Кира, — и... кстати, смотрите! Обычные-то змеи больше не нападают!

Действительно, прочие обитательницы подземной пещеры, потихоньку шипя, расползались по углам, исчезая в темноте. Не иначе, со смертью «королевы» (так прозвал про себя гигантскую змею Илья) их боевитость начисто улетучилась. Не то гибель оной и впрямь подействовала обескураживающе, заставив мелких гадин бояться трех незваных гостей. А может, способность «королевы» влиять на чужие мозги еще и заставляла других

змей держаться поближе к этой пещере, ее логову. В случае же надобности — бросаться в бой, добывая пропитание... конечно же, для своей исполинской повелительницы.

А теперь вот королевы не было. Как не было и других причин у змей обычных, мелких, держаться этой злополучной пещеры.

— Что дальше, — повторил Илья, тоже заметив, что желающих полакомиться путниками больше не находилось, — ну, можно выбираться наверх. Веревка на месте. Проводник, надеюсь, тоже не удрал. А можно обследовать пещеру. Ведь в логове чудовища наверняка найдется чего-нибудь ценное.

И Кира, и Малран с готовностью поддержали второе из предложений Криницкого. С факелом в руке девушка осторожно выступила вперед, освещая окружающее пространство. Илья и его бывший наставник двинулись следом, осматриваясь по сторонам.

Но, увы: золотых россыпей и тому подобного в пещере не оказалось. Зато нашлись разбросанные по полу кости менее удачливых путешественников. Точнее, тех из них, кого змеиная «королева» почему-то не стала заглатывать целиком. Наверное, из-за доспехов — оставшиеся от них ржавые, вымазанные в грязи обломки тоже попадались. На ценные вещи не тянули и они — уже не стоя, очевидно, даже металла, из которого были сделаны.

И лишь когда разочарованные путники уже решили повернуть назад, к туннелю и дожидавшейся их веревке, взгляд Криницкого зацепился за какой-то предмет — блеснувший сквозь темноту отраженным светом факела.

Шагнув к предмету и наклонившись, Илья поднял чуточку присыпанный землей... меч. Вполне целый и не тронутый ржавчиной. Клинок холодно поблескивал — как-то непривычно, не похоже на железо.

— Серебро, — не то вопросительно, не то утвердительно изрек подошедший Малран, — во всяком случае, металл тут... того. Не простой. Хотя и вряд ли клинок зачарован. Не то бы... сам понимаешь. Рассыпался бы в прах, едва ты коснулся его.

— Какой-нибудь сплав серебра, — заключил Криницкий, — надеюсь, никто не возражает...

Последнюю фразу он хотел закончить словами, утверждающими именно его право на эту находку. Но Кира и Малран так дружно и энергично замотали головами, что слова эти не понадобились. А бывший наставник еще и сказал:

— Никто, конечно. Твой трофей, владей. Ну, если не лень два меча с собой таскать.

Малран усмехнулся, и все трое направились к туннелю и веревке.

Что до Проводника, то все время, пока его подопечные сражались со змеями, он терпеливо ждал их у нагромождения плит. Не уходил, однако и на помощь не рвался. А услышав по этому поводу упрек от Киры, лишь самодовольно ухмыльнулся. Чем напомнил Криницкому, например, звездных коллег... бывших, на вручении «Оскара» и иных подобных церемониях.

— Девочка, — последовали за ухмылкой еще и слова, — каждый волен сам выбирать, как ему сдохнуть. Вы трое сунулись туда сами. Значит, что? Выб-ра-ли. Мне ли препятствовать? К тому же платят мне не за это. Не забывай: я Проводник, а не спасатель.

Аномалия никуда не делась. Мутное дрожащее пятно все так же висело, распластавшись прямо в воздухе. На все той же поляне. Только вот на сей раз стороннему наблюдателю, окажись он поблизости, было бы нелегко его разглядеть.

Поляну кольцом окружали подручные Каледина — в бронежилетах и масках, с автоматами, дробовиками и карабинами. Еще одно кольцо, внешнее, образовывали припаркованные поблизости внедорожники. Среди этих, последних, по большей части глянцевого иномарок, таким гадким утенком выделялась старенькая «газель». Желтая. И покраски явно не заводской, судя по матовой поверхности корпуса.

Принадлежала «газель» нашедшемуся в городе научному институту. Учреждению, деньгами лишними, мягко говоря, не избалованному. Зато располагавшему кое-каким оборудованием. И оба эти обстоятельства негласный хозяин городка с успехом обернул в свою пользу.

Так что теперь сотрудники института суетились вокруг пятна со своей аппаратурой, привезенной на «газели». Прибор сменял прибор, то один из адептов науки, то другой отбегал к машине за следующим. Не забывала ученая братия, и время от времени докладываться своему нежданному спонсору.

— Радиационный фон — в норме.

— Электромагнитное поле... переменное. Достаточно сильное, но для живых организмов — в целом безопасное.

— Объект излучает в оптическом диапазоне и, в небольшой степени — в радиодиапазоне, а также в диапазоне низких частот. Рентгеновского и другого потенциально опасного излучения не обнаружено.

— Оценить коэффициенты отражения, преломления и поглощения... не представляется возможным. Предполагается искривление электромагнитных волн при облучении ими объекта. Проще говоря, объект их отклоняет... частично.

— Гравитационная аномалия... нестабильная.

— Температурных аномалий — не обнаружено. Взаимодействие объекта с окружающей средой носит изотермический характер.

— Скорость звуковых волн, проходящих через объект, отличается от скорости звука в окружающем воздухе на пренебрежимо малую величину. На этом основании плотность объекта может быть принята близкой к плотности воздуха.

Все то время, пока сотрудники института занимались своими измерениями да сообщали о результатах, не то Каледину, не то друг дружке, сам Виктор Захарович терпеливо и молча стоял поодаль. Перед поездкой в лес он успел сменить пиджак и брюки на охотничий камуфляжный костюм. А вот с мобильным телефоном не расставался. Успел сделать по нему пару звонков — интересы бизнеса требовали своего, и пауз не терпели. Комментарии ученых мужей он слушал вполуха, ожидая какого-нибудь заключения. Чего-то вроде резюме.

Зато к моменту, когда была произнесена последняя фраза — насчет «плотности воздуха» — Каледин почувствовал, что терпение его иссякает. И решил подвести черту сам.

— Правильно ли я понял, — обратился он ко всем сотрудникам института, собравшимся на поляне, скопом, — судя по вашим результатам, этот... объект — безопасен?

— В общем-то — да, Виктор Захарович, — за всех ответил пожилой ученый с

вкрадчивым голосом, небольшой бородкой, изрядной лысиной и в толстых очках, — конечно, не все результаты могут быть интерпретированы однозначно... а иные, вероятно, и вовсе не удастся интерпретировать. Кроме того, не помешало бы взять пробу вещества, составляющего объект.

— О, нет-нет, — парировал Каледин тоном почти дружелюбным и зачем-то махнул рукой, — чтобы пробы взять, кому-нибудь придется прикоснуться к... объекту. А вот это как раз может быть опасно. Понимаю, возможно, ради науки кто-то из вас и готов рискнуть. Но лично мне не хотелось бы жертвовать ни одним из столь светлых умов. Вернее, у меня есть, кем можно пожертвовать... и без вас.

Сотрудники научного института дружно и согласно закивали. А двое автоматчиков тем временем уже выводили на поляну бледного и мелко подрагивающего Занозу.

Вот один из боевиков Каледина накинул на подконвойного веревку и обвязал петлей. Не на шее, правда. На поясе. А второй подтолкнул Занозу в спину. Вперед, к аномалии-пятну-объекту.

— Не ссы, Заноза, — зачем-то подбадривал его сам Виктор Захарович, — как видишь, мы тебя подстраховываем. Долго держать там не будем. И постараемся вытащить.

— Хоть тушкой, хоть чучелом, — дополнил последнюю фразу чей-то угодливо-глумливый голос, его обладателя Заноза не видел. Но и без того услышанное не порадовало. А к страху примешалась еще и злоба — тупая и... к сожалению, бессильная. Злоба на Каледина, на его подручных. И на гребаного шныря, что так подвел его, тоже.

— Ничего личного, — напоследок снизошел Каледин до объяснений, — ты ж и сам поступил подобным образом. Отправил косореза того в наш... объект. Выходит, решил, что действовать так — по понятиям. Ну и я, значит, тоже, по понятиям поступаю. Ведь ты и сам тоже — чего? Накосычил ведь, не отрицай. Когда задание мое не выполнил.

Понукаемый боевиками с автоматами, Заноза приблизился, наконец, к пятну. Подошел вплотную. Шагнул, слившись на миг со злополучным «объектом». А затем — исчез. Оставив после себя только кусок веревки.

Вернее, не кусок — часть веревки. И эта видимая часть, тянувшаяся от пятна и большей частью волочившаяся по земле, вдруг резко вытянулась и заскользила, засасываемая внутрь «объекта».

— Тяните! — не слишком громко, но резко и веско приказал Виктор Каледин. И оба давешних конвоира Занозы вцепились в веревку.

Увы! Неведомая сила по другую сторону пятна их явно превосходила. Оба детин, коренастых и ростом под два метра, заскользили следом за веревкой и Занозой, судорожно упиравшись пятками в траву. Только это их, по-видимому, и удерживало. Точнее, замедляло.

Потребовалась помощь еще пяти боевиков, срочно отложивших свое оружие и вцепившихся в подельников, чтобы преодолеть притяжение пятна. Все семеро с усилием бурлаков на Волге, подались назад, вытягивая за собою веревку. А следом выволакивая уже и Занозу.

Собственно, подопытный появился словно из ничего и в первое мгновение — как бы внутри пятна. И выглядел сквозь него, точно отражение в каком-нибудь кривом, сильно кривом зеркале. Затем пятно и Заноза разлепились, разошлись с усилием. Словно аномалия расставалась со своей добычей неохотно. Наконец, вызволенный Заноза рухнул на траву. Совершенно обалделый, обессиленный... но вроде живой.

— Итак, что там? — вопрошал склонившийся над ним Каледин, — что ты видел?

— Лес, — на выдохе произнес подопытный слабым голосом, — тоже лес... но другой.

— Поподробнее, пожалуйста, — потребовал нетерпеливый Виктор Захарович, — почему — другой?

— На холме я оказался, — было ему ответом, — какой-то холм высокий... в наших краях таких не видел. Я чуть не съехал по нему... но вы меня вытащили.

— И это все? — Каледин был малость разочарован, хотя в голове у него уже вовсю вызревало объяснение происходящего.

— А... нет! — вдруг выпалил Заноза, — нет... не все. Я сейчас вспомнил. Там время суток — другое. Здесь уже за полдень, а там едва рассвело. И роса на траве.

— А ты наблюдательный, — похвалил его Каледин, да еще похлопал по плечу, пока исполнительные коллеги по криминальным делишкам помогали Занозе подняться, — похоже, я недооценивал тебя... в том числе в части карьерных перспектив.

Последнее прозвучало многообещающе, Заноза приободрился. Тогда как Виктор Захарович продолжил свой спич. Обращаясь уже не то к самому себе, не то сразу ко всем присутствующим.

— А ведь просто ларчик-то открывался, — были его слова, — как часто бывает, внешность обманчива. Обманула она и на сей раз. Мы тут думаем: пятно какое-то, аномалия. Объект неведомый, который уважаемые умники пытаются всяко-разно исследовать. Да безуспешно. А на деле оказалось, что это лишь... дверь. Да-да, дверь прямо в воздухе. Которая ведет в какие-то неведомые дали. Неведомые — но все же не к черту на рога. Что, согласитесь, хорошо.

Не то, чтобы Каледин обладал богатой фантазией. И о возможности существования неких порталов, мгновенно переносящих хоть за тридевять земель, хоть вообще в другой мир, едва ли прежде задумывался. Но, напротив, был Каледин закоренелым реалистом. Без чего просто не преуспел бы ни в бизнесе, ни в жизни. И реалистом он был настолько, что просто не считал себя вправе отметить какие-то факты, которые видел сам. Ну, или в пользу каковых имелся свидетель, желательно живой.

Нет, информацию, подтверждаемую подобным образом, сбрасывать со счетов не следовало. А коль Виктор Каледин слыл еще и прагматиком, то всякое новое знание по его разумению надлежало использовать себе во благо.

И вот в его распоряжении оказалась ведущая куда-то «дверь». Куда-то, откуда иные ушлые личности выносят золотые украшения на продажу. Куда сбегают, если пахнет жареным. И где же лично Каледину это открытие могло пригодиться? Было над чем подумать. А пока...

— Пока все свободны, — распорядился Виктор Захарович, и столпившиеся на поляне люди как по команде направились к машинам, — и поменьше болтайте о том, что вы тут видели и слышали.

Последняя фраза предназначалась, прежде всего, ученым мужам. Ведь некоторые из них наверняка задумали благодаря пресловутому «объекту» не только материальное положение улучшить. Но и еще прославиться сенсационным открытием. И допускать этого никак не следовало.

Свет показался впереди — тусклый, но все равно неплохо различимый на фоне темноты пещер. А главное: свет этот мог быть только естественным. Будучи слишком ровным и неподвижным для зажженного кем-то или чем-то пламени.

И значило это, что конец пути близок. Ну, по крайней мере, того отрезка пути, который проходил через пещеры и туннели, пронизывавшие изнутри горную цепь. Да успел порядком приесться трем путникам. Так что, заметив свет, заглянувший в это подгорное царство мрака и затхлости не иначе как с небес, все трое изрядно приободрились. Как моряки, после долгого плаванья, узревшие вдали едва различимую полоску берега.

«Забавно, — подумал Илья Криницкий, прибавив шагу, — шли-то мы в Темные Земли, а выходим навстречу свету».

Малран так и вовсе припустил в направлении выхода едва ль не бегом. И, конечно, чуть не упал, споткнувшись о подвернувшийся под ноги и незаметный в темноте камешек.

Еще более эмоционально восприняла приближающееся пятно света Кира. Поняв, что ей не мерещится, что возможность снова увидеть небо и подышать свежим воздухом от нее совсем недалеко, девушка вскричала-взвизгнула: «Ура! Дошли!» и ринулась вперед. Вприпрыжку, очертя голову и даже не глядя под ноги.

Понять Киру чисто по-человечески было несложно. За несколько суток подгорный вояж мог опротиветь и людям покрепче. Все эти тянувшиеся как сопля туннели, гроты, щедрые на таившиеся в них опасности, всегдашние духота, темнота и сырость. Но вот Проводник, например, оказался, не из тех, про кого можно было сказать, что ничего-де человеческого ему не чуждо. Не иначе, успел привыкнуть к подобным путешествиям, сделав их способом заработка.

— Зря она, однако, так себя ведет, — молвил Проводник осуждающе, но услышал его только шедший рядом Криницкий, — в пещерах суета бывает опасна. А громкие звуки горы и вовсе не терпят.

Правоту Проводника хоть отчасти подтвердил... неровный каменистый пол туннеля. Споткнувшись об одну из незамеченных ею неровностей, Кира брякнулась, растянувшись на полу. Вздохнув, Илья ускорил шаг. А когда настиг упавшую и почти по-детски хныкающую от боли и обиды девушку, помог ей подняться.

Проводник же, по обыкновению своему, на помощь не спешил. И если б Криницкий обернулся, да не будь вокруг так темно — заметил бы его саркастическую ухмылку на бородатой физиономии.

Не горел, как оказалось, желанием изображать джентльмена и Малран. Если вообще знал, что это такое. Когда Кира упала и вскрикнула, он разве что шаг замедлил.

Впрочем, к добру или к худу, но эта небольшая неприятность стала последним приключением трех путников по дороге в Темные Земли.

Выход на свежий воздух, кстати, по эту сторону от гор, оказался совсем низеньким — пришлось чуть ли не ползком выбираться. Снаружи была ночь... каковую, впрочем, трудно было назвать темной. По крайней мере, после долгой прогулки сквозь мрак пещер и туннелей.

В немалой степени ослабляла темноту и полная луна, оказавшаяся какой-то не то розовой, не то красной. И непривычно большой, так что даже невооруженным глазом можно

было различить не только темные пятна «морей», но и, кажется, даже крапинку кратеров. И Криницкому достало беглого взгляда на эту луну, чтобы заметить: «рисунок» на ней совсем не такой, как на ночном светиле его родного мира.

Вокруг высился лес. Правда, не слишком густой, чтобы заслонить кронами деревьев небо, луну, а в дневные часы солнце. Если они вообще здесь бывали — дневные часы и солнце.

С последним предположением-вопросом Илья поспешил обратиться к Проводнику. Чем вызвал у него еще одну, исполненную чувства превосходства, ухмылку.

— Нет, конечно, — отвечал Проводник, — сутки тут меняются, как и везде... кроме подземелий и подгорных путей. Но вот такого, как многие любят... чтоб небо голубое, солнце яркое и ни облачка — нет, не бывает. Но, может, оно и к лучшему. Зато солнечный удар в Темных Землях точно не схватишь. Ну да ладно...

Произнеся последнюю, сугубо дежурную, фразу, он замолчал ненадолго — всего на несколько мгновений. После чего перешел к главному для себя вопросу.

— Здесь наши пути расходятся, — начал Проводник, неожиданно допустив в голос сентиментальную нотку, — ваши дела в Темных Землях — это только ваши дела. Меня они не касаются, а я не касаюсь их. Через семь дней... как мы договорились с Вольгроном, я прихожу на это место и жду вас от одного рассвета до другого. Если вы успеете сделать все, что задумали и подойти сюда к этому времени, я помогаю вам вернуться в родные края.

— А если не успеем? — осведомился Малран, как показалось Криницкому, с вызовом.

— Я приду еще через семь дней, — без обиняков отвечал Проводник, — и снова подожду. Столько же. И если вы не появитесь и на этот раз... что ж, придется мне о вас забыть. На всякий случай: об этом с Вольгроном мы тоже договаривались, так что сделка наша будет считаться выполненной. Без обид и нареканий. В конце концов, я Проводник, а не нянька. И ваш вождь, между прочим, это понимает.

Он уже повернулся и собирался, было лезть в проход, ведущий обратно на подгорную дорогу. Но теперь его окликнула Кира:

— Хоть подскажите, чего нам ждать от Темных Земель. А то мы здесь впервые...

— Чего ждать? — специально для нее Проводник задержался, и, обернувшись, лукаво ощерился, — девочка, а ты сама-то как думаешь? Даю подсказку: тут тоже люди живут. А чего ждать от места, где много людей?

После чего сам же ответил на свой вопрос:

— Едва ли чего-то хорошего.

На том разговор и окончился. Проводник отправился в обратный путь — соскучившись не иначе, по своей отшельничьей берлоге. А Илья, Малран и Кира двинулись в противоположном направлении. Где именно искать Колдунью и Вора из «Пророчества о Разрушителе», они не знали. Однако надеялись выяснить, выйдя к людям да порасспросив их.

А для начала надлежало выбраться из леса. Здесь все трое путников не видели ничего сложного — росли деревья редко... непривычно редко после лесов по другую сторону гор. Да и выглядели чахлыми, даже больными со своими жиденькими кронами и тонкими кривыми стволами. Так что просветы между деревьями оставались широкие, заблудиться было сложно. Оставалось лишь высматривать, где просветы побольше. И двигаться в их направлении.

А луна — большая, полная и яркая — охотно помогала путникам своим светом.

Сориентировавшись, уже примерно через полчаса Илья, Малран и Кира вышли на небольшую просеку. Которая непременно должна была вывести на тракт или иную хоженую дорогу. А та, в свою очередь — привести к ближайшему людскому поселению.

Так рассудили приободрившиеся путники. Они еще не знали, что скоро их путь снова перестанет быть прогулкой, лишенной приключений и забот.

Первым неладное почуял Малран — едва между деревьями в поле его зрения промелькнули несколько крупных световых пятен. Насторожившись, зоркий юноша-варвар немедленно положил руку на эфес меча, будучи готовым в следующий миг извлечь клинок из ножен и пусть в ход. По его разумению, гулять ночью по лесу, в том числе и с источником света, могли ни в коем случае не мирные путники вроде него самого. Но непременно либо разбойники... либо еще кто похуже.

О том, что действительности соответствует второе из названных предположений, стало ясно, когда три светящихся пятна вышли на просеку и остановились, преграждая путь Криницкому и его спутникам. До самих пятен осталась едва пара десятков шагов, что дало возможность рассмотреть их поближе.

От увиденного Кира испуганно взвизгнула и юркнула за спины спутников-мужчин. И, конечно, забыла, что вооружена. Да и что там говорить — даже Малран от неожиданности опешил и замер, хоть и всего на миг. В нерешительности остановилась на полпути до ножен с мечом и рука Ильи.

На просеке стояли, терпеливо ожидая, три скелета. В эту ночь вдруг обретшие способность ходить. Черепа скелетов освещались изнутри бледным холодным светом, видимым через глазницы и приоткрытые рты. Облака такого же света заполняли подреберья скелетов и окружали их конечности тонкой дымкой.

Разомкнутые челюсти и источавшие свечение круглые глазницы придавали посмертным гримасам скелетов сходство с удивленными улыбками. «Кто тут у нас? Новички? — словно читалось на этих, давно лишившихся кожи, лицах, — небось, еще и расслабиться успели. Забыли, куда пришли?»

Но что самое неприятное: в правой руке каждый из скелетов держал оружие. Один — меч, второй — топор, а третий — дубину. Так что было очевидно: намерения у лесных восставших мертвяков, ни с какого боку не мирные.

Конечно, до живых воинов мертвым было далеко. Даже поднятым из могилы не иначе как чьим-то колдовством. Так что оцепенение... кратковременное не помешало Илье и Малрану выхватить из ножен мечи и атаковать первыми. А Кире, в свою очередь — отступить и благоразумно держаться в тылу.

Вот только быстротой-то преимущество живых в этой схватке и ограничилось. Хоть действовали скелеты и не в пример медлительнее, хоть казались неповоротливыми... но вот атаку Криницкого, например, мертвый мечник успел блокировать. А в следующее мгновение уже самому Илье пришлось перейти в оборону. Принимая на клинок удар топора второго из скелетов.

У Малрана дела складывались получше... поначалу. Легко уклонившись от неуклюжей атаки противника с дубиной, он сноровисто подобрался к тому настолько близко, чтобы дотянуться клинком. И дотянулся — подрубив ногу мертвого супостата.

Тот зашатался, теряя равновесие. И допустил заминку, которая снова пришлась на руку варвару. Ни мига не теряя, Малран сделал еще один выпад. И рассек надвое одну из рук скелета. Ту, что сжимала дубину.

На землю своего хромого и обезоруженного противника Малран поверг уже тоже без помощи оружия. Просто мощным пинком туда, где при жизни у него находился живот. Скелет рухнул в траву на обочине просеки. А юный варвар уже ринулся на второго из противников. Скрестив клинки со скелетом-мечником.

Оба воина — живой и мертвый — успели обменяться несколькими ударами, в то время как Илья Криницкий перешел в наступление в схватке с обладателем топора. Ловким выпадом, бывший актер сумел перерубить топорнице. Обезоружив мертвяка и заставив замереть в нерешительности. Ни дать ни взять, с немым вопросом: «И что мне дальше делать?»

Но вот в этот-то триумфальный миг так некстати подала голос Кира. «О нет! Смотрите... оглянитесь скорее!» — с выражением удивленного испуга воскликнула она.

С размаху снеся напоследок озаренную холодным светом черепушку, Илья резко обернулся. Вытаращив глаза, Кира тыкала дрожащим пальцем в сторону скелета с дубиной, давеча сраженного Малраном.

Огромная яркая луна давала достаточно света, чтобы увидеть то, что так напугало девушку... и немало обескуражило Криницкого. Холодное сияние, погасшее было вокруг поверженного мертвяка, разгоралось снова. А перерубленные кости руки и ноги, сближаясь и судорожно притягиваясь под действием неведомой силы, срастались вновь.

Миг-другой — и целехонький скелет рывком вскочил на ноги, как и прежде озаренный холодным светом. А в последнюю очередь выправились его ребра, помятые молодецким пинком Малрана.

«А, колдуем-ворожим? — задал сам себе Илья сугубо риторический вопрос, — ну-ну...»

Дождаться, когда костлявый враг вновь возьмется за дубину, Криницкий не стал. Вспомнив о способности Разрушителя, он шагнул вперед и врезал прямо в ухмыляющуюся черепушку. Без оружия — просто кулаком. Вдруг поможет?

Помогло: сияние погасло, и скелет опал на землю грудой костей. Однако мгновение триумфа почти сразу омрачил испуганный визг Киры, донесшийся из-за спины.

Мгновенно обернувшись, Илья увидел, что скелет, лишенный его стараниями топора и головы, не только не выбыл из игры. Но напротив, успел приладить черепушку на место... и нашел способ навредить противной стороне даже без всякого оружия. Костлявыми пальцами он вцепился в плечи визжащей Киры мертвой (а какой же еще?) хваткой. И прижимал к себе.

За визгом страха последовал вскрик боли, а затем — судорожное молчание беспомощности. Похоже, на миг скелет усилил хватку. И следом уставился на Илью горящими глазницами. Не требовалось быть гигантом мысли, чтоб понять эти жесты. Не дергайся, мол. Сделаешь хоть один шаг ко мне, и эта девчонка... присоединиться к нам.

Рассчитывать на помощь не приходилось — Малран продолжал перезваниваться клинками с другим, оставшимся на ногах, мертвяком. И судя по тому, что схватка их затягивалась, в боевых умениях противники один другого стоили.

Добро, хоть скелет, державший Киру, не обращал на их поединок внимания. Так и вперился неотрывным взглядом в одного Илью. Не иначе как ждал, решится живой противник прибегнуть к своему опасному дару — или все-таки предпочтет сохранить жизнь бестолковой спутнице.

Третьего, как казалось, было не дано. Криницкого и скелета с зацапанной им девушкой разделяло не менее трех шагов. Так что Илья вряд ли успел бы подойти и коснуться мертвого злыдня прежде, чем тот прикончил бы Киру. И что оставалось? Меч? Для меча расстояние

было великовато, да и прок от оружия, как выяснилось, в этой схватке — слишком кратковременный.

Можно было попытаться... метнуть меч. На манер копья или, скорее, бумеранга. При должной меткости имелся немаленький шанс и Киру не задеть, и в ворога попасть. Благо, для броска расстояние было совсем небольшим. Вот только целить пришлось бы разве что в голову. А как Илья успел убедиться, даже обезглавленный, противник-скелет сохранял толику боеспособности. Которой вполне бы хватило, чтоб, по крайней мере, с хрупкой девушкой — справиться.

Срочно требовалось кардинальное решение, более надежное! И тут Криницкий вспомнил про второй меч. Найденный после схватки со змеиной «королевой». Тогда еще и Илья и Малран предположили, что меч тот — непростой. То ли из серебра выкован, то ли из сплава, содержащего серебро.

А следом бывший актер припомнил расхожий стереотип из родного мира. Что-де нечисть, нежить и прочие представители темных сил, как и порождения оных, неплохо уничтожаются с помощью серебра. Хоть серебряной пулей, а хоть и серебряным клинком.

По всей видимости, подобные представления бытовали и в этом мире. Не зря же бывший владелец прихватил с собой серебряное (или содержащее серебро) оружие в дорогу к Темным Землям. Другое дело, что не повезло бедняге: сгинул в пути, до самих владений Тьмы не добравшись.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Так думал Илья, а затем начал действовать. Стремительно, но наверняка. Сознывая, что другого шанса спасти Киру не будет. Заветный клинок он таскал за спиной, за неимением ножен завернутый в грязную тряпку. Теперь эту тряпку Криницкий сдернул первым делом. И бросил на землю, словно бы говоря мертвому противнику: «Смотри, ничего опасного. Просто тряпочка...»

На этот жест скелет отвлекся... или не сам, а тот колдун, что управлял им. В любом случае, нелепый жест, озадачивший противную сторону, позволил Илье выиграть пару заветных мгновений. Они-то и решили в итоге исход схватки.

Трофейный меч, вырванный рукой Криницкого из-за спины, полетел в сторону восставшего скелета и его пленницы. Крутанувшись в воздухе, клинок прошел на волосок, кажется, от Киры, успевшей сжаться от ужаса и закусить губу. В следующий миг девушка истошно закричала — не то от страха, не то от причиненной костлявыми руками боли... напоследок. Потому что почти одновременно меч снес озаренный изнутри череп.

Зрелище это еще напомнило Илье не то удачный бросок в боулинге, не то какую-то жуткую разновидность игры в городки. Но главным было не это. А то, как погасло бледное холодное сияние внутри срубленного черепа. Тот не успел даже долететь до земли.

Задумка сработала?!

Какое-то мгновение Криницкий опасался, что подействовало серебро только отдельно на череп — остальному скелету особо не повредив. Опасения были напрасны: с небольшой задержкой, но погас и сам мертвый ублюдок, державший Киру. После чего рассыпался костями под вздох облегчения... одновременный — и Ильи, и спасенной девушки.

— А пригодился... меч-то, — молвил бывший актер, наклоняясь и поднимая оружие с земли, — помог...

— Замечательно! — услышал он затем окрик Малрана, ненадолго отвлекшегося от поединка с последним из мертвых бойцов, — может, теперь ты заодно поможешь и мне?

— Базару нет! — почему-то ответил Илья в манере тех людей из родного мира, по чьей милости он и перестал быть актером, а сделался Разрушителем.

А затем, воодушевленный недавним успехом, бросился к участникам поединка с мечом наголо.

Сражаться сразу против двоих нелегко и живому воину. А мертвому так и вовсе ловить в этом бою стало нечего. Но скелет-мечник не успел понять этого... если вообще понимал хоть что-то. Не понял даже в тот момент, когда поблескивавший серебром клинок добрался до него. И сперва рассек ребро, а затем рубанул по предплечью.

На сей раз злополучное сияние не погасло мгновенно, а начало тускнеть на глазах. Превращаясь в слабую, рассеивающуюся дымку, в то время как движения скелета стали медленными, точно под водой. Выпады мертвого мечника сделались вялыми, атаки — неопасными. Так что Малрану не составило труда разрубить правую руку скелета, сжимавшую меч.

Этот-то удар подвел черту под схваткой. Сияние стало совсем тусклым — точно свет от доживающего последние минуты огарка. А скелет начал разваливаться, отчего-то еще заваливаясь назад, словно старый дом во время сноса. И, наконец, рассыпался и погас.

— Уф-ф-ф! — только и смогло вырваться из горла утомленного боем Малрана.

Однако вздох облегчения оказался преждевременным.

— Вы! — все трое путников почти синхронно обернулись на высокий голос — злобный окрик, донесшийся из леса.

Вскоре они увидели и самого обладателя высокого голоса. Совсем еще молодого человека — можно сказать, сверстника Малрана. Только, в отличие от варвара, был он невысоким и субтильным.

Облаченный в черный или темно-синий плащ да в дорожном костюме, сидевший на нем как фата на лошади, юнец, спотыкаясь и чуть ли не бегом, двигался к просеке.

— Вы! — повторил он, — какого Света вы приперлись в мой лес. Что вы здесь забыли? И как посмели мешать моему... моим делам?

— Колдун, — шепнула, сообразив, Кира.

— Некромант, — вспомнил Илья слово, знакомое еще по прежней жизни, точнее, по фильмам, книжкам и компьютерным играм. Слово, обозначающее колдуна, поднимающего мертвых. Или некроманты, напротив, умирляли беспокойную нежить? Криницкий точно не помнил, так что ответить однозначно не мог.

— Вы! Вы! — колдун, он же некромант, все вопил, повторяя отчего-то полюбившееся ему местоимение, — вы думали, что победили? Что справились? А вот Света вам в зенки, да чтоб ослепнуть!

Не иначе, колдовскому юнцу хотелось, чтобы голос его звучал грозно. Или даже зловеще. Но получалось, скорее, с нотками детской обиды. Илья даже едва сдерживал ухмылку.

— Вы заплатите за свою дерзость... телами и душами! — бесновался некромант, — ни один из вас не уйдет отсюда живым!

Обеими руками он уже сжимал извлеченный из сумки предмет, формой похожий не то на суповую миску, накрытую блюдцем (чтоб не остыло), не то на миниатюрную «летающую тарелку». Колдун вцепился в «тарелку» пальцами, и от нее в сторону трех путников простерлись изломанные, змеящиеся лучики-полоски сразу нескольких молний.

«Ох-ох-о!» — пронеслось в голове Криницкого, куда все трое инстинктивно

пригнулись к земле, — да этот сопливый недоумок весь лес сожжет!..»

Молнии, однако, оказались не электрическими. А потому предназначались не для того, чтобы поджигать. Но совсем для других целей. Пройдя над головами трех путников, эти порождения темной ворожбы... поднимали в воздух все, до чего дотягивались. Сухие листья, лежавшие под деревьями ветки. А еще кости побежденных скелетов, кучками валявшиеся на просеке.

Взлетев примерно на метр над землю, кости полетели, с трех сторон устремившись к одной точке. Оборачиваясь в ту сторону, то Илья, то Малран, то Кира могли видеть, как затем кости собираются в новую конструкцию. Фигуру, снова озаренную мертвенным светом... и человеческий скелет напоминающую лишь отдаленно. А главное: ростом фигура вышла вдвое выше и в полтора раза шире в плечах по сравнению с обычным человеком.

Головы, правда, у фигуры не было — из трех обычных черепов не собрать один большой. Но в голове-то, похоже, новое существо и не нуждалось. Коль не требовалось ему ни думать, ни видеть. Все перечисленное за него делал его создатель. Зато руки существа выглядели устрашающе. Двухметровой длины ручищи, коими творение юного колдуна первым делом разломало ствол ближайшего дерева. А затем, держа наперевес получившуюся огромную дубину, двинулось на трех путников.

Тем только и осталось, что кинуться врассыпную. И только так спастись, избежав первого же удара, чуть не обрушившегося на них сверху. О том, чтобы биться с костяным великаном, не могло быть и речи. Уж очень жалко смотрелись лезвия мечей рядом с его импровизированным оружием.

Кое-какие шансы на успех имелись у Ильи с его серебряным мечом. Но даже если б Криницкий сумел подобраться к чудовищу на расстояние удара, не факт, что клинок смог бы причинить серьезный урон. Без чего, как думал бывший актер, самого по себе прикосновения серебра могло оказаться недостаточным.

Впрочем, гадать смысла не было. Размахивая исполинской дубиной, костяное страшилище не только не подпускало противников к себе. Но, напротив, вынуждало убегать, спасаясь от очередного удара. А затем снова настигало — переступало оно медленно, зато шаг, благодаря росту, имело широкий.

Так путники то метались по просеке, то отступали в лес, преследуемые чудовищем. И едва не забыли про его создателя. Но тот напомнил о себе. Нервным захлебывающимся смехом, не услышать который было трудно. Судорожно стиснув «летающую тарелку» сцепленными пальцами, некромант чуть ли не задышался от смеха: «Ах-х-ха-ха-ха-ха!» А искры, похожие на электрические, плясали на поверхности «тарелки», отражаясь в широко раскрытых, безумных глазах.

Увы, хорошо смеяться последним. И этим последним в ту беспокойную ночь суждено было стать отнюдь не юному колдуну. Кира первой сообразила, как его обезвредить — заодно избавившись от костлявого монстра. И бросила в сторону некроманта один из метательных ножей.

Бросок вышел, не ахти какой умелый. Кира целила в руки, державшие «летающую тарелку», но на деле нож врезался в нос колдуну. Причем рукоятью вперед. Однако хватило и этого. Коротко охнув, юнец поддался рефлексу — закрыл обеими ладонями расквашенный нос. «Тарелку», естественно, выпустив. А та, упав, покатила по земле.

И одновременно собранное из костей чудовище, казавшееся несокрушимым как утес, с легким стуком развалилась. Тут же, рядом с образовавшейся грудой костей упала

выломанная из древесного ствола дубина.

Спохватившись, юный некромант рванулся было следом за «тарелкой». Но Малран оказался проворнее. Успел ухватить колдуна за ноги и оттащить назад, к себе — в последний миг. А затем, сграбастав за плащ, поднял на ноги.

— Ты! — злобно вскричал, чуть ли не взвизгнул, некромант, — а ну руки прочь от меня, ничтожество!

Одновременно он нацелил на варвара указательный палец. Однако молния, вырвавшаяся из него без помощи заветной «тарелки», оказалась совсем куцей и тонкой. Ударив в Малрана, она не причинила ему серьезного вреда. Правда, все равно заставила выпустить плащ колдуна и даже немного попятиться.

Однако уже в следующий миг юного некроманта ухватила за шиворот рука подоспевшего Ильи.

— Можешь не стараться, мальчик, — строго молвил бывший актер, — на меня твои фокусы не действуют.

Интересы бизнеса иногда требовали от Виктора Каледина бессонных ночей. И не просто бодрствования за чашкой крепкого кофе. Но постоянного напряжения — то на переговорах с партнерами, конкурентами или чиновными людьми, то наедине с собою. Точнее, с собственным многострадальным мозгом. Вынужденным вместо положенного отдохновения обдумывать какие-то идеи, предложения, возможные действия.

В последние несколько лет, правда, позиции Каледина существенно окрепли. Так что причин для вынужденной бессонницы случалось все реже. Последний раз — свыше полгода назад. Однако теперь, после визита в лес, к изрядно попортившей ему кровь аномалии, Виктору Захаровичу снова пришлось пожертвовать столь важной потребностью организма. Засидевшись в офисе, добро, хоть не до рассвета.

А иначе было нельзя. Каледин в том никому не признавался, но даже если бы он лег в постель, вопрос, требовавший обдумывания, просто не дал бы ему заснуть.

Нет, с тем, с чем именно он имеет дело, Виктор Захарович разобрался еще по дороге обратно в город. Аномалия загадочных свойств оказалась, хоть не «окном в Европу», но тоже определенным способом попасть куда-то. Куда-то настолько далеко, что время суток в том месте — другое. Причем попасть мгновенно. А это значило, что так называемый «объект» можно было использовать... ну, например, как убежище. Удрать через него в случае большой надобности. Если потные ручонки конкурентов, загребушие лапы бизнес-партнеров или железные пальцы людей в погонах таки доберутся до него. И попробуют ухватить за горло.

Если это случится — тогда, смекнул Каледин, они вполне могут пролететь. Хоть дружно, хоть каждый по отдельности. И не будет никаких погонь с перестрелками... почти, никаких групп захвата, наступающих прямо в аэропорту, перед самой посадкой на рейс — международный, конечно. Никаких проверок при пересечении границы. А значит, и никаких, неизбежных в таких случаях задержаний.

Но насчет убежища — то была лишь одна сторона медали. Причем не самая приятная, по причинам совершенно очевидным. Как бы там ни было, а Виктор Каледин предпочел бы как можно дольше сохранять свое положение. Вкупе с особняком и молоденькой Элей (или, как вариант, Юлей, Анжелой) на супружеском ложе. А не удирать, задрав штаны.

Но имелась и другая сторона. Еще важнее первой. И задумался об одной Каледин, когда вспомнил, с чего же все началось.

Место, куда переносил «объект» могло не только служить убежищем. Удравший туда незадачливый делец перед этим вынес оттуда злополучную золотую цацку, в итоге оказавшуюся в Элином будуаре. Замысел торгаша понять труда не составило. В руках его оказалось нечто, обладающее реальной стоимостью. За что торгаш мог даже без обмана получить приличные деньги. Однако он бы не полез в эту чертову аномалию, если б не был уверен — в чем? А в том (конечно же!) что вещицу дорогую он сможет там раздобыть... на халяву. Или почти на халяву: заплатив в том далеком и странном месте неизмеримо меньше, чем мог выручить за нее здесь.

Вернее сказать, мог бы выручить. Если б еще знал, с кем стоит связываться, а с кем — нежелательно.

Но, так или иначе, а следовало из этого... вот что. В некоем далеком краю, куда ведет то ли дверь, то ли пятно, то ли аномалия, она же «объект», как в легендарном Эльдорадо.

Золотых украшений, вроде той цапки, должно найтись столько, что, пардон, задницей можно есть. И если добраться до оных сумел даже одиночка-коммерсант, то тем более сможет он. Виктор Захарович Каледин. Человек, в чьем распоряжении имелись десятки крепких вооруженных парней. Причем десятки — только еще по первому зову.

К таким заключениям Каледин пришел к моменту возвращения в город и офис. А затем вынужден был отвлечься от нарождающейся затеи, вернувшись в привычную круговерть. Сперва о встрече попросили некие мутные личности, гнавшие из Средней Азии фуры с арбузами не первой свежести. Затем самому Виктору Захаровичу пришлось искать встречи. С губернатором, зачем-то пожаловавшим в городок. Не иначе, озаботился судьбой многострадального градообразующего предприятия. Вернее, предприятия, которое считают здесь градообразующим люди, не слышавшие о Каледине или его недооценивающие.

С губернатором они были в отношениях почти приятельских. Что, увы, на сей раз пришлось некстати. Виктору Захаровичу едва удалось отделаться от предложения посетить закрытую сауну для важных персон. С неизбежной в таких случаях попойкой и супружеской изменой. Увы, тратить силы и здоровье на подобную чепуху, теперь, когда он почти набрел на золотое дно, Каледин считал себя не вправе.

Но даже без сауны вернуться к обдумыванию плана удалось лишь после одиннадцати ночи. Дела, дела. Зато теперь, когда в общих чертах Виктор Захарович представлял для себя возможности использования аномалии, надлежало продумать детали. Все эти вопросы как в названии небезызвестной телеигры: «Что?», «Где?», «Когда?». А также «Почем?» и «С кем?»

Успокоился он только к половине пятого. Охранники, а еще больше — секретарша, сбившаяся с ног, готовя ему кофе, наверняка уже кляли своего босса, на чем свет стоит. Мысленно, правда. Конечно, всего лишь мысленно.

По возвращении домой Каледин перво-наперво хорошенько выпался. Уже предчувствуя, что такой возможности в ближайшие дни ему может не представиться.

С кровати он поднялся лишь во второй половине дня. И сразу приступил к осуществлению своего замысла, не забывая связываться с нужными людьми. Ответственными — кто за снабжение предстоящей операции всем необходимым, кто за безопасность. Ну и за то, чтобы информация о калединской затее не достигла посторонних ушей.

Подготовительный этап занял несколько часов. Столько потребовалось для закупки и доставки к особняку Виктора Захаровича походного и альпинистского снаряжения. Затем продуктов — в основном консервированных. И, наконец, ближе к вечеру подтянулись и другие участники предстоящего похода. В качестве таковых Каледин желал видеть, во-первых, десятка полтора наиболее умелых и опытных бойцов с полным боекомплектом, а во-вторых... Занозу. В отличие от боевиков, прибывших на трех джипах, Заноза прикатил на своем «бумере». И, выбравшись из него во двор особняка, от нечего делать начал озираться по сторонам. Не без зависти разглядывая место обитания Главного.

Впрочем, не спрашивать о причинах сбора именно здесь, а не в офисе, хватило ума даже ему. Ясное дело, готовилось что-то серьезное. О чем безопаснее толковать где-нибудь на отшибе. А лучше еще под прикрытием кирпичного забора, крепкого и высокого. Но не посреди города.

Не понимал Заноза только одного. Какова в назревающей движухе лично его роль?

Надо сказать, что первые же слова хозяина, обращенные сразу ко всем прибывшим,

Занозу отнюдь не порадовали. Виктору Захаровичу все не давала покоя лесная аномалия, которая самому Занозе и приесться уже успела, и страху на него нагнать. И даже после этого никак не отпускала, будь она трижды неладна!

А Каледин, закончив с пояснениями и предварительным инструктажем, обратился теперь уже персонально к Занозе.

— Свой косяк, — были его слова, — ты считай, отработал. Однако в этой истории с пятном, она же аномалия, ты разбираешься все равно получше меня... и, наверное, любого другого из жителей данного города. Хотя бы потому, что побывал там лично. Поэтому предлагаю тебе... скажем так, повышение. Из простого паренька на подхвате стать моим помощником. По сути, вторым лицом в предстоящей операции.

— Предлагаете? — зацепился за слово Заноза, — то есть... отказаться можно?

Виктор Захарович недовольно хмыкнул. Ответ, прозвучавший доходчивее всяких слов. Впрочем, Каледину следовало отдать должное. В его неписаной табели о рангах Заноза уже числился как человек, на которого можно не только давить. Подкупать, подмазывать, соблазнять выгодными предложениями и даже льстить тоже имело смысл. Поэтому хмыканье свое босс дополнил следующими словами:

— ...вкуче с долей в трофеях, которые мы там добудем, разумеется. Пойми, вот они, — подойдя к Занозе поближе, Каледин небрежно мотнул головой в сторону боевиков, — хороши в таких делах, как пострелять-подрататься. По большому счету это те же орудия — крепкие, полезные, но... гораздые только исполнять. Бездумно исполнять. Способность думать таким противопоказана. Тогда как ты... думаешь, я не знаю, кто из вас двоих, тебя и Кирпича — мозг? А кто опять-таки орудие и исполнитель? Самым сильным и крепким рукам нужны хоть какие-нибудь мозги. И теперь твои мозги, Заноза, понадобились этому ходячему арсеналу.

На последних словах Виктор Захарович снова дернул головой в ту сторону, где терпеливо стояли в ожидании бойцы. Готовые по его приказу хоть прямо сейчас отправиться. Даже в ад, прямиком на вилы дьявола. Но вот если приказа не будет, то даже не почешутся. Предпочитая ждать, пока хозяин позволит разойтись и заняться своими делами.

— Мозги... а как насчет вас? — поинтересовался Заноза. Поинтересовался вроде осторожно. Но все равно запоздало поразился собственной дерзости. Уж очень двусмысленно прозвучали его слова.

— Ну, одна голова хорошо, а две лучше, — было ему ответом, — сам же понимаешь.

После чего Каледин отошел, давая понять, что разговор окончен.

В лес, к заветной поляне из ворот особняка выехало уже целых пять машин. Хозяин ехал отдельно... вернее, на своем внедорожнике в компании шофера и двух телохранителей. К коим он за несколько лет привык и доверял всяко больше, чем сторонним профессионалам.

По прибытии, кстати, всех троих Виктор Захарович отослал назад, более в своей затее не задействовав. Верная подруга интуиция подсказывала, что дельце предстояло опасное. Рискованное. И если профессионалами рисковать было можно, то людьми, которым доверяешь... скажем так, нежелательно.

Затем был переход через пятно и спуск. Ожидаемый, запланированный. Да и снаряжение не подвело. Так что прошел он без накладок. Ну не считать же в качестве таковой секундное удивление Виктора Захаровича, когда окружающий пейзаж мгновенно изменился, а пасмурный вечер превратился в разгар солнечного дня.

Едва достигнув подножия холма, Каледин потянулся вначале за мобильником, затем за

GPS-навигатором. Любопытно стало, куда именно их всех перенесло. В конце концов, кабы не любил Виктор Захарович конкретные ответы на вопросы — едва бы предпочел стезю бизнесмена.

Мобильник у Каледина был простенький, кнопочный еще. Без всяких приложений, этих новомодных свистелок, любимых молодежью. Но ему самому, как человеку старшего поколения, непонятных и едва ли полезных. Так что единственное, о чем Виктор Захарович смог узнать, взглянув в черно-белый экранчик — что у оператора, чьими услугами он пользовался, в этих местах сети нет. Нет покрытия. А это значило одно из двух. Либо до ближайшего населенного пункта Каледина и его поделщиков отделяли десятки километров. Либо это вообще другая страна.

Но вот какая страна именно — на этот вопрос не сумел ответить даже навигатор. По той простой причине, что не смог связаться ни с одним из спутников.

Обстоятельство это, если и обескуражило Виктора Захаровича, то несильно. Подобный расклад он накануне, в общем-то, предвидел. Не исключал, что таинственный «объект» перемещает в какую-нибудь глушь. Ведь этим он, собственно, и ценен — в известной степени.

А раз так, следовало прибегнуть к иным способам связи и выяснения обстановки. Пусть и не таким высокотехнологичным. Ведь главное, что при планировании Каледина не забыл и о них тоже.

А перво-наперво весь отряд выбрался из леса на открытую местность. По пути одному из бойцов было поручено оставлять на деревьях зарубки, чтобы в случае надобности без труда можно было отыскать обратную дорогу к холму. И если припечет здесь, вернуться в родные места.

За лесом тянулся луг. Пусть и не такой зеленый и цветущий, как летом, но остатки красоты еще сохранивший. Здесь, у опушки леса отряд встал лагерем. Бойцы занялись кто палатками, кто костром. Некоторые просто слонялись без дела. Не теряя, впрочем, профессиональной бдительности.

И тогда-то Каледина велел своему помощнику отправляться на разведку.

— Не уходи далеко... на этот раз, — говорил он, — пару-тройку километров, не более. И возьми вот это — для связи.

«Вот этим» было круглое зеркало диаметром с человеческую голову. И сделанное, кстати, не из хрупкого стекла, а из алюминия.

— Для связи?... А-а-а, солнечные зайчики пускать, — сообразил Заноза, разглядывая зеркало.

— Ага, — отвечал Каледина, — зайчик с твоей стороны означает «На помощь!» или «Все сюда!». Что, в общем-то, одно и то же. С нашей же стороны сигнал надо понимать, как приказ возвращаться.

На этом инструктаж был закончен. И Заноза отправился в путь, не забыв прихватить пистолет, который прятал под ветровкой.

Далее не помешает уточнение. Следуй Каледина и его люди тем же путем, что и в свое время Илья Криницкий, во время своей первой вылазки Заноза мог, например, набрести на развалины разгромленной и разграбленной имперской заставы. Ну, или хотя бы пройти той же дорогой. И напороться либо на патруль, либо просто на кого-то из местных. При оружии и в количестве больше двух.

Однако выбрались новые гости этого мира из леса несколько западнее, чем это сделал

Криницкий. Можно даже сказать, северо-западнее. Так что дорогу Заноза едва успел обнаружить. Его еще слегка удивило отсутствие на ней асфальта или иного твердого покрытия.

Однако удивление это померкло, когда в поле зрения Занозы попал... всадник. Одинокий всадник, промчавшийся мимо, вдоль дороги. И куда-то явно спешивший. Чужака-разведчика он не заметил — не до того было. Заноза тоже видел всадника мельком. Но все равно успел заметить и его плащ, и металлический шлем, даром, что открытый. А также меч у пояса.

Об увиденном Заноза немедленно доложил, спешно возвратившись в лагерь. И даже чуточку обиделся, когда не заметил со стороны Каледина ни тени эмоций по этому поводу. Словно в том, на что набрел, и что встретил Заноза, патрон его не видел ничего из ряда вон выходящего.

— Всадник и дорога без покрытия, значит, — произнес Виктор Захарович, не диву даваясь, но рассуждая, — какое-то на редкость отсталое место. Дикое. Неудивительно, что связи нет... мобильной. Но вот как насчет спутников? Спутники-то, почему не отзываются?

— Да-да. Как насчет спутников... и меча? — робко так поинтересовался Заноза, вклиниваясь в его мысли вслух.

Хоть Каледин и знал ответ... имел предположение на сей счет, по крайней мере, но предпочел держать его при себе. Уж очень казался этот ответ очевидным. И вместе с тем — удивительным, даже невероятным. Хотя, положив руку на сердце, от аномального «объекта» всего следовало ожидать.

Если невозможно связаться со спутниками, запущенными вокруг Земли — как это понимать? А так, что, скорее всего, это не Земля. Или Земля, но за много веков до его, Виктора Каледина, рождения. Здесь человечество еще не научилось запускать спутники и летать в космос. И даже не додумалось класть асфальт, делать автомобили, как, кстати, и... огнестрельное оружие.

Вопрос о возможности перемещения во времени (как и мгновенного перемещения как такового) с точки зрения Каледина смысла не имел. Не интересовал Виктора Захаровича и механизм перемещения. В конце концов, против факта нет аргумента. Единственное, что полагал важным практичный калединский ум — в чем выгода случившегося переноса. В свете, что важно, того факта, что огнестрельного оружия здесь не знают. Как использовать это обстоятельство в своих интересах?

— Как-как, — на вопрос этот мысленный Каледин почему-то решил ответить вслух, — да вот так!

С этими словами он взял пистолет и выстрелил, целя в ближайшее дерево на лесной опушке.

Бабахнуло. Отломилась и повисла одна из веток, несколько листьев упало на траву. Соскочила с еще одной ветки и ринулась прочь, торопливо размахивая крыльями, какая-то птица.

— Вот так, — повторил Виктор Захарович, ни к кому конкретно не обращаясь, — именно так.

«Раздавленные бабочки» его не волновали. Даже если это и впрямь прошлое, и в нем он, Каледин и его люди набедокурят настолько, что ход истории изменится — все равно. Ничего особо страшного Виктор Захарович не видел, в том, что мир, куда они вернуться, из-за этих изменений тоже может оказаться другим. В конце концов, золото наверняка будет цениться

и в таком, с искажившейся историей, мире. Золото, драгоценности...

Возвращаться же домой с пустыми руками Каледин в любом случае не планировал.

Плененный и связанный, некромант теперь выглядел совсем уж жалко. Особенно при свете дня, которого трое путников дождались, скоротав остаток ночи в хижине пленника... или, скорее, в шалаше. Здесь же, в лесу.

Звали юного колдуна, кстати, простеньким именем Гарп.

Но прежде, чем расположиться на ночлег и вообще дойти до шалаша, Илья, Малран и Кира устроили колдуну допрос. И первым делом, собственно, узнали имя пленника, а также место, где он обитал.

Условия, поставленные путниками Гарпу, были просты как медный грош. Ответить на вопросы. И в зависимости от ответов ему как минимум обещали сохранить жизнь. А как максимум — отпустить с миром, не трогая вещей колдуна и не мешая его занятиям.

Как уже говорилось, после боя Гарп даже не пытался выглядеть грозным. Как и выражать презрение к простым смертным. Но, напротив, весь как-то сжался, ссутулился, только что в размерах не уменьшился. Ни дать ни взять студент-ботаник, нарвавшийся на гоп-компанию в темном переулке. Только что очков не хватало для полноты картины.

И естественно, сделался юнец-колдун стоворчливым, на вопросы отвечал охотно. Так что по дороге к шалашу путники узнали кое-что полезное.

Итак, ближайшая колдунья (именно колдунья, не колдун) жила от этих мест сравнительно недалеко. Пешком дойти можно. Не без претензий на жалость Гарп поведал еще, что колдунье этой, по имени Вуламара, он до недавнего времени служил. В обмен на ее обещание поделиться знаниями.

При этом на узкие плечи юнца легли почти все работы в башне колдуньи — не важно, с применением специальных заклинаний или без. Приготовить еды. Сходить за съестным в ближайшую деревню, снабжавшую Вуламару в обмен на защиту. Поддерживать в башне чистоту. В каждом из ее помещений на всех четырех этажах. Стирать. И прочее, прочее, прочее.

Делилась же эта, как в сердцах назвал ее Гарп, «молодящаяся стерва» весьма неохотно. Собственно, заклинания, коим она его обучила, годились в основном как раз для решения разных бытовых проблем. Что, естественно, не могло утолить амбиций юного колдовского дарования.

Осознав, что с Вуламарой он только время теряет да тратит силы почем зря, Гарп сбежал. И скрылся здесь, в лесу. Где ему никто, как он думал, не помешает самостоятельно постигать секреты колдовского дела. Проводя опыты, в том числе с поднятием мертвецов. А тут такая неприятность. В виде трех незваных гостей.

Вот так, от предыстории и жалоб на жизнь юный некромант перешел к справедливой на его взгляд претензии. Но если он и впрямь надеялся усюветить Криницкого сотоварищи, то попытка эта не удалась. Вместо того чтобы покаяться, Илья, например, перешел к следующему вопросу. О злополучной «летающей тарелке».

В том, что вещь эта — магического свойства, можно было догадаться еще во время боя. А попытка бывшего актера коснуться ее, чтоб хотя бы подобрать с земли, подтвердила догадку более чем доходчиво.

Илья едва успел дотронуться до «тарелки». Всего лишь кончиками пальцев. И почувствовал, что его способность, гроза всех волшебников, готова была разрушить и

«тарелку» тоже. Просто ждала, как собака — команду «фас!». Но вот незадача: уничтожение тарелки было чревато высвобождением такого количества колдовской силы, что хватило бы и самого Криницкого поджарить, и заодно испепелить весь лес на сотни метров вокруг.

Об этом-то «тарелка» и дала знать новоявленному Разрушителю Магии. Хотя бы на уровне ощущений и внезапных предчувствий. Как будто живой была или даже разумной.

А Илья при этом вспомнил еще, как в детстве видел табличку на трансформаторной будке. Изображение черепа (не иначе, схватка со скелетами поспособствовала!) и предостерегающую надпись: «Не влезай — убьет!». И череп, и слова эти тогда сильно напугали маленького Илюшу. Зато теперь ощущения от попытки завладеть «летающей тарелкой» напомнили Криницкому эту самую надпись. «Не влезай — убьет!».

Быть убитым ему не хотелось. Так что пришлось попросить Малрана взять «тарелку» на хранение.

Теперь же, допрашивая Гарпа, путники узнали, что правильнее называть этот предмет копилкой. Копилкой для колдовской силы, если быть точным.

— Знаешь, что я думаю, — обратился Илья к пленному колдуну, — что ты не просто сбежал от Вуламары, но и обокрал ее. Прихватил эту... копилку с собой. А то не стыкуется кое-что в твоём рассказе: вроде бы ни хрена почти колдунья тебя не учила. Не делилась с тобой, как прислугу использовала. А ты между тем вот такой весь из себя молодец. Силой такой огромной владеешь. Не говоря уж о том, что копилку тоже кто-то должен сделать. Не будешь же утверждать, что купил ее на распродаже? Вдобавок, эти скелеты... сборный монстр из костей. Не знаю, откуда тебе знакомы такие чары. Зато уверен: чтобы готовить-стирать-прибираться подобные фокусы вряд ли нужны.

В делах волшебных бывший актер, конечно же, плавал. И говоря все это, по большому счету блефовал. Желая изобразить человека, будто бы разбирающегося хотя бы в азах колдовства и магии.

Но как бы то ни было... а может, Гарп со своей стороны оказался слишком впечатлительным и доверчивым, как и подобает недоучке. В общем, блеф Криницкого удался. Пленник потупил взор. И хотя еще пытался оправдываться, но уж слишком неуклюже:

— Ну, во-первых, копилку можно наполнить не самому, а из Колодцев Силы. А во-вторых... я ведь тоже колдун был не из последних. Даже до встречи с Вуламарой. Просто решили умениями обменяться. Вроде как «ты мне — я тебе». Да даже опытным колдунам учиться не зазорно, чтоб вы знали!

Последнюю фразу он даже выкрикнул. С выражением оскорбленной невинности. Однако Илью и его спутников это не проняло.

— Колдун не из последних, ха! — передразнил Гарпа Малран, — да без копилки ты слабак! Своей молнией едва кунуть меня смог... да что там, мышонок — и тот укусит больше!

— Ты пойми, — а вот голос Киры, напротив, прозвучал нарочито примирительно, — эту Вуламару нам надо привлечь себе в союзники. Для общего дела. А сделать это проще всего, если оказать ей услугу. Например, вернуть вещь, которая ей принадлежала. Кстати, какая она — колдунья Вуламара? Как человек?

— Высокомерная, — отвечал некромант, — холодная, как будто в жилах ее вода, а не кровь. Мстительная. Лживая, подлая... взять хотя бы, как со мной она поступила.

А затем без всякого перехода разразился мольбами:

— Пожалуйста! Прошу! — он готов был и на колени бухнуться, но Криницкий его удержал, — не отводите меня к ней! Эта тварь превратит меня... во что-нибудь. Или скормит своему питомцу: здоровенной летучей мышью... кровососу, он живет на чердаке, я видел! Или превратит, а потом скормит! Или... ну вы же обещали сохранить мне жизнь!

На последней фразе юный колдун вообще разрыдался.

— Спокойно, — суровым, но честным тоном, коему научился у варваров, обратился к Гарпу Илья, — обещали, да. И постараемся сдержать свое слово. Поэтому вернуть планируем не тебя, а эту... копилку. Надеюсь, это единственная вещь, которую ты стянул?

В ответ на вопрос колдун снова потупил взор, одновременно попытавшись пожать плечами. Вот только со связанными руками сделать последнее оказалось трудновато.

Криницкий устало вздохнул.

— Главное, помоги дойти до башни Вуламары, — подытожил он, — а там можешь убраться на все четыре стороны.

— И не вздумай завести невесту куда, — внес необходимое уточнение Малран и хищно ощерился, — попробуй только — и башка с плеч. Я сам тебя прикончу. Без всякой колдуньи.

Остаток ночи провели: трое путников — в шалаше колдуна, а сам Гарп — на всякий случай привязанный к ближайшему дереву. Наутро все четверо позавтракали у костра, а затем отправились до башни Вуламары.

Только выйдя из леса на открытую местность, и Илья Криницкий, и спутники его смогли в полной мере оценить особенности светлого времени суток в Темных Землях. Нет, небо здесь не закрывал целый свод мрачных туч. И не стояли нескончаемые сумерки, вызывающие меланхолию и желание напиться.

Нет и еще раз нет. Более того, на небе Темных Земель даже солнце можно было увидеть. Правда, столь же непривычно большое, как давеча луна. И какое-то багровое, тускловатое.

«Неужели это впрямь другой мир? — подумал, глядя на местное светило Илья, — с другим солнцем... как его бы назвали астрономы? Красный гигант?»

Небо оказалось под стать: местами розоватое, местами лиловое. В родном мире Криницкого... да и в том, другом, где есть магия, подобная окраска неба бывала на закате, предвещая ветреную погоду на следующий день. При этом какого-то особого холода в этих краях пришельцы с другой стороны гор не заметили еще в ночь прибытия. И тем более не ощущали его и теперь, с восходом солнца.

Просека сменилась дорогой, вымощенной грубым неотесанным булыжником, лесок, избранный Гарпом в качестве убежища — полями. Кое-где на полях колосились злаки. И вид у колосьев был столь же болезненный и истощенный, что и у лесных деревьев.

Возле заросших колосьями участков суетились группки людей, одетых, на взгляд чужаков в этих краях, в какое-то грязное тряпье. Кто-то рубил серпом колосья, кто-то грузил их в телеги, запряженные... нет, не лошадьми. Лошадей, похоже, в Темных Землях не водилось или они считались редкостью. Вместо них в качестве тягловой силы использовали крупных ящеров. Подобно земным тираннозаврам, эти ящеры передвигались на двух задних лапах, передние же были маленькими и явно рудиментарными. Сходство с тираннозаврами усиливали и вытянутые морды. Вот только размерами ящеры были гораздо меньше. В высоту ненамного превышая человеческий рост.

Одна из телег — груженная доверху и аж с двумя ящерами в упряжке — еще проехала по дороге, навстречу путникам. Подгонявший ездовых пресмыкающихся тощий грязный мужик даже внимания не обратил на то, что один из встреченных им людей шел со связанными за

спиной руками.

Возделанные участки чередовались с другими: ничейными, заросшими бурьяном и прочей сорной травой. А вскоре путники набрали на первое, увиденное ими в Темных Землях человеческое жилище. После шалаша в лесу, понятно.

Постройка напоминала маленький замок или крепость. Массивный двухэтажный каменный дом с надстройкой в виде башни над крышей. Окружала его каменная же стена высотой в этаж, с двустворчатыми металлическими воротами. Из стены торчали, грозя небу, металлические пики.

— Трактир, — подал голос Гарп, покосившись на здание, — может, остановимся? Перекусим. Отдохнем пару часиков. А то идти еще долго. А я устал.

— Слабак, — презрительно бросил Малран, даже не оглянувшись на пленника, — да мы идти-то еще не начинали.

После ночевки в холодных пещерах ему даже в лесу спать казалось верхом комфорта. А прогулка на свежем воздухе, по полям и лесам, не шла ни в какое сравнение с путешествием по пронизавшим горы туннелям. Так что, в отличие от юного колдуна, бывший наставник Ильи был бодр и чувствовал себя замечательно. Хотя бы на контрасте, коль все познается в сравнении.

Криницкий снизошел до более дипломатичного ответа:

— Я бы, может, и отдохнул. Но, увы... большое-большое «увы» Вольгону Сотне Шрамов, не сообразившему снабдить нас деньгами. Или я чего-то не знаю, и в этих местах кормят бесплатно?

— Смотря кого, — заявил Гарп с неожиданной спесью, никак не вязавшейся с его связанными руками, — если узнают, что я колдун, все задаром дадут. Лишь бы я никого не спалил или в лягушку не превратил. Только...

— Что — «только»? — перебил его Малран, — рученьки тебе освободить? Чтоб ты поколдовать смог? Еще скажи, копилку тебе вернуть.

Запряженная тремя ящерами повозка, на которой высилась целая гора заполненных чем-то мешков, как раз подошла к воротам трактира. Ворота открылись ей навстречу. И пока ящеры, понукаемые дюжим возчиком, волокли повозку внутрь, Гарп проводил ее грустным завистливым взглядом.

Через час, впрочем, привала он таки дождался. Правда, здесь же, на открытом воздухе. Точнее, у обочины дороги, на одном из бесхозных участков поля. Отдых вышел короткий — только наспех перекусить. Ну и хотя бы мало-мальски перевести дух. На разведение костра да разогрев времени не тратили. Не говоря уж о готовке.

А ближе к вечеру путники добрались до деревни. Вдоль дороги и в ее окрестностях в творческом беспорядке лепились с полсотни небольших домиков — каменных и с непривычно узкими окошками-щелями.

Местных жителей встретилось всего ничего. Сидя за прилавком единственного лотка, сколоченного из неровных необструганных досок, немолодая лохматая женщина торговала маленькими, чуточку сморщенными, яблоками, связками вяленой рыбы, сырым мясом и темноватым пахучим сыром. От такого сочетания рядом с лотком висела столь жуткая смесь из запахов, что напрочь отбивала аппетит. А значит, и желание сделать покупку.

Еще на дороге спорили, не зная, как разъехаться, двое: возчик на телеге да парень, толкавший перед собою тачку, полную камней. Места разъехаться им не хватало, а уступать не хотелось ни тому, ни другому. Не столько из-за времени — его-то как раз ушло бы совсем

чуть-чуть, сколько в силу банального гонора.

Илья, Малран, Кира да плененный ими колдун осторожно обогнули спорщиков, едва ли не прижимаясь к стене ближайшего из домов.

Прочие из жителей деревни, по всей видимости, либо еще не возвратились с полевых работ, либо, напротив, разошлись по домам и готовились ко сну. В деревнях обычно ложатся рано — независимо от мира.

— Я думаю, дальше вы и сами дойдете, — вполголоса обратился к путникам Гарп, когда все четверо миновали спорщиков, — дальше по дороге... выйдите к пустырю. Там дорога обрывается. А за пустырем, собственно, башня Вуламары. Увидите, не пропустите. Просто мне... не хотелось бы туда подходить... вдруг заметит.

«Ну, прямо сама безобидность, — подумал Криницкий со смесью сарказма и раздражения, — как будто дитя невинное просит: дядечки, отпустите, пожалуйста. А ходячие скелеты на нас натравливал, конечно, кто-то другой!»

И все же к опасениям да к робкой просьбе-намеку юного некроманта путники отнеслись с пониманием. Его развязали и велели убраться. Причем побыстрее, да как можно дальше. Понятно, что указание это Гарп с готовностью выполнил.

Причем следовало отдать ему должное — Илью сотоварищи плененный колдун не обманул. И впрямь, похоже, привел, куда просили. Хотя, наверное, честность была ни при чем. Гарп мог и понадеяться, что встречи с Вуламарой эти трое не переживут. Вот и задумал поквитаться с ними, победившими его, бедняжку да обидевшими, хотя бы вот так. Чужими руками.

Как бы то ни было, а за деревней путникам и впрямь открылся участок пустой и почти голой земли протяженностью примерно в полкилометра. Земля была изрыта неведомой силой, на ней не росло ничего, кроме нескольких крохотных пучков травы, приютившихся кое-где. А гораздо больше, чем растительности, на этой земле было... костей. Множество повсюду разбросанных костей разных размеров. Иные вообще принадлежали, не иначе, каким-нибудь доисторическим чудовищам.

Вкупе с тусклым красным солнцем свалка костей придавала этому месту вид жуткий, даже сюрреалистический. И не похоже было, чтобы пустырь за деревней пользовался у местных жителей популярностью в качестве места для прогулки. Илья заметил, как старуху, сидевшую на лавочке возле одного из крайних домов, аж передернуло, когда она проводила взглядом трех путников. И поняла, куда они направляются.

А за пустырем, на невысоком холме темнела на фоне лилового неба заветная башня. Время от времени ее еще озаряли вспышки молний, рождавшихся где-то наверху, у самой крыши. Хотя туч, даже облаков, не наблюдалось.

Вторая вылазка Занозы состоялась на следующее утро. И уже не в одиночку — в компании двух боевиков. Времени она заняла больше: разведчику было поручено присмотреться к дороге получше. А то и даже выяснить, куда она ведет.

Что ж. Ожидания патрона Заноза даже превзошел. Поскольку на сей раз смог вызнать не абь что, но местоположение ближайшего населенного пункта. Правда, не набрел на него случайно — это уж было бы слишком маловероятно. Просто счастливый случай вкупе с огневой поддержкой двух сопровождающих позволили Занозе... захватить «языка».

На дороге посланцам Каледина встретилось двое аборигенов. В старой, примитивно скроенной и явно самодельной одежде из грубой ткани, они никак не напоминали воинов древности. Будучи, по всей видимости, не то крестьянами, не то даже бродягами. А главное — при них не было мечей или иного оружия. Хотя... много ли стоят мечи против свинца и пороха?

Первого из прохожих застрелили сразу. В упор. Второй прожил немногим дольше. А прежде чем тоже отправился к праотцам, был допрошен. И со страху выдал-таки Занозе местоположение ближайшего поселка. Не иначе, принял всех троих за могучих колдунов, способных убивать одним движением руки.

Потом еще Заноза запоздало удивился, что человек, живший то ли в далеком прошлом, то ли совсем в другом мире, разговаривал с ним по-русски. Понятно и без акцента. О том, что это как раз он сам научился понимать местный язык, калединский приспешник не подумал.

Разумеется, указано было расположение поселка весьма неточно. Ведь неграмотный крестьянин не имел карты и компаса. Как и возможности мало-мальски точно измерить расстояние. До верстовых столбов вдоль дороги, судя по всему, здесь вообще не додумались.

И все же Занозе удалось узнать главное: в каком направлении идти вдоль дороги да где и куда поворачивать. Для верности он и сопровождавшие боевики прошли указанным путем. Проверить. И уже затем поспешили в лагерь — порадовать Каледина.

Сам Виктор Захарович, если и впрямь обрадовался, то лицом и этой эмоции не выдал. Он лишь кивал одобрительно в ответ на рассказ Занозы. После чего распорядился сворачивать лагерь. И всем отрядом двигаться к обнаруженному поселку.

По периметру его опоясывал частокол высотой примерно в два человеческих роста. Что по средневековым меркам делало данный населенный пункт, скорее, небольшим городом. А вот крепостного рва, этого, насколько знал Каледин, весьма распространенного атрибута человеческих поселений во времена мечей и немощных дорог, почему-то не имелось. Вероятно, аборигены в этих местах страдали излишней беспечностью.

Предполагаемая беспечность не помешала им, впрочем, установить наблюдение за воротами и окрестностями. И когда в поле зрения паренька, дежурившего у ворот, попала целая толпа крепких мужчин, никак не похожих на торговцев или работяг, выводы тот сделал правильные. Так что ворота затворились едва ли не перед носом людей Каледина. А на возвышавшейся в центре поселка то ли башне, то ли вышке, то ли пожарной каланче тревожно зазвенел колокол.

«Не надейтесь, — со злорадством, переходящим в поистине садистское предвкушение, подумал Виктор Захарович, — вам это не поможет. Ваши игрушки... вся эта возня мышьяная

меня хрен остановит!»

Мгновение — и сколоченные из досок ворота пали, сметенные взрывом гранаты. Каледин и его люди двинулись вперед. И не без удовольствия наблюдали, как несколько смельчаков из местных, успевших подхватить вилы и косы да двинуться навстречу чужакам, теперь испуганно пятились. Так впечатлил их грохот взрыва да зрелище собственного укрепления, пробитого, разрушенного нечеловеческой силой.

— А ну поддай-ка им, — приказал Виктор Захарович ближайшему из боевиков. И тот на ходу пустил в сторону отступавших туземцев с вилами автоматную очередь.

Застрекотало. И незадачливые поселковые смельчаки падали один за другим. Те из них, кто еще стоял, но видел гибель других, могли хоть удариться в бегство — это бы их не спасло. Пули-то все равно летели быстрее.

Следом погиб долговязый подросток, находившийся на башне-каланче и без устали, в каком-то нервном иступлении раскачивавший колокол.

— Сними и его, — велел одному из боевиков Каледин, — от этого звона мигрень.

Опытный боец без труда поймал звонаря в прицел снайперской винтовки. Секундное движение пальца — и тот сверзился на землю. Наверное, даже испугаться не успел. Зато боль наверняка почувствовал.

Когда стрельба затихла, Каледин выступил вперед. И направился к толпе местных жителей, собравшихся на пятачке свободного пространства посреди поселка. Людей собрал колокольный звон. Теперь же расходиться они не решались, от страха застывшие и онемевшие.

Оставалось лишь гадать, кем им виделись незваные гости. Волшебниками — разумеется, отнюдь не добрыми? А может даже сошедшими с небес богами-громовержцами? Или, напротив, исчадиями ада, пустившимися в самоволку?

— Вы все здесь! Слушайте меня! — выкрикнул Виктор Захарович, обращаясь к туземцам, и голос его в наступившей тревожной тишине звучал как раскат грома, — я колдун! Могучий колдун, которому под силу сворачивать горы! А ваши халупы я... и мои прислужники-демоны просто раздавим! Не верите? Смотрите!

Произнося эту речь, он одновременно шарил по толпе взглядом, всматриваясь в каждого из собравшихся. Пока, наконец, не приглядел подходящего человека. Могучего мужика с кувалдой на плече... вероятнее всего, кузнеца. Нацелив на него пистолет, Каледин выстрелил. И со злобным торжеством наблюдал, как тот валится оземь с простреленной грудью и почти детским недоумением в глазах. А по толпе пронесется испуганный вздох.

Беспредел? О да! Виктор Захарович это понимал и в душе признавал очевидное. Но в то же время был далек от моральных терзаний. В конце концов, это там, где живешь, гадить не стоит. А он-то с подельниками — на чужбине. В чужом же краю... вот взять хотя бы конкистадоров. Уж какой беспредел они устроили в отношении ацтеков и иже с ними. Притом, что на родине наверняка слыли благородными идалго.

И вообще. Принципы принципами, понятия понятиями, а жить и владеть чем-либо, в конечном счете, все равно имеет право лишь сильнейший. Так что...

— Я заберу любую жизнь! Любого человека, на которого только укажу пальцем, — возобновил Каледин свою речь, — но я... мы — те, кто смахнул вашу защиту походя, оставляем вам право выбора. Принесите мне ценные вещи, которые у вас есть. Все несите... деньги, золото, драгоценности. Тогда главная ценность... ваши жизни останутся при вас. Ну же!

Последние слова подстегнули туземцев, как хороший удар плетки — лошадь. Жители поселка зашевелились, начали расходиться по домам: сначала мелкими боязливymi шажками, а потом все расторопнее.

Хлопали двери домов, то отворяясь, то закрываясь. И один за другим аборигены возвращались. Разумеется, не с пустыми руками. Другое дело, что ценности, которыми они располагали, у грозного «колдуна» Каледина не вызвали ничего, кроме разочарования.

Денег у обитателей поселка оказалось не так уж много. Кучка монет — едва хватит, чтобы заполнить трехлитровую банку. Причем в подавляющем большинстве своем эти монеты были медными. Серебряные же кругляши, не говоря о золотых, можно было и по пальцам пересчитать.

Впрочем, монеты-то хотя бы нумизмату можно было при случае толкнуть. А вот что прикажете делать... ну, к примеру, с рубахой, расшитой узорами — праздничной, не иначе? А с предметом высочайшей роскоши по меркам средневековых крестьян — то бишь... зеркалом? Причем неправильной формы и с заметно неровной поверхностью? Или с книгой: тяжелым пухлым томом с толстыми и потемневшими, явно не из бумаги изготовленными, страницами? Ее, без сомнения, притащил единственный грамотей среди жителей поселка.

Конечно, книгу мог и какой-нибудь антиквар купить. Ну, так это еще был не худший вариант. Иные из жителей поселка, ну очень широко понимая понятие «ценность», приволокли даже орудия своего труда. Плотник — топор, гончар — круг, рыбак — охапку сетей. Еще кто-то принес посуду, кто деревянную, кто глиняную. Так куча даров перед Калединым росла и росла, а надежды одного вернуться домой с богатыми трофеями столь же стремительно таяли.

И своего рода вишенкой на этом торте из хлама суждено было стать кинжалу Простому, железному кинжалу с лишенной всяких украшений рукоятью. «От мужа покойного остался, — зачем-то пояснила принесшая его старуха, — муж воином был». В последней фразе даже послышалась чуточка гордости.

«Даже любители исторических реконструкций на эту железку не поведутся, — с досадой подумал Каледин, — скажут, что сами скуют не хуже».

Еще Виктору Захаровичу подумалось, что первый блин комом. Что в этом, далеко не богатом, поселке он только время теряет — чем дальше, тем больше. А значит, лучше что он и его люди могли бы сделать, это поскорее свалить. Да попытать счастья где-нибудь еще.

Вскоре, впрочем, эта мысль, исполненная разочарования и чувства облома, сменилась другой. Пооптимистичнее. Каледин отметил, с какой легкостью он и его люди, по сути... покорили этот поселок. Да-да, покорили, ни больше ни меньше! Принудили его жителей прямо-таки к абсолютной покорности. Так быстро — и почти без усилий.

И возникал вопрос: а стоит ли вообще уходить? Хоть из поселка... хоть вообще из этого мира или эпохи? Когда здесь он, Виктор Каледин, мог бы без труда захватить власть. Стать правителем хотя бы этих запуганных поселян — для начала. А потом и присоединить к своему самопальному государству новые земли, города и веси. Хватило бы боеприпасов. В крайнем же случае всегда можно смотреться через висящее в воздухе пятно за добавкой.

Каледин еще не знал, что этими мечтами оказал и себе, и подельникам медвежью услугу. Ведь задумав превратить захваченный поселок в свое владение, а жителей его — в подданных, следом он закономерно решил в поселке этом заночевать. Для начала. А значит, задержаться. И тем самым... сильно снизил свои шансы на выживание.

Дело в том, что не все жители поселка во время нападения находились с внутренней

стороны частокола. Кто-то тогда еще не вернулся с поля или с иных работ и промыслов. Пастух, например, пригнал скот только ближе к закату.

Но речь пойдет даже не о припозднившихся трудягах. Но о двух шалопаях-мальчишках, слонявшихся без дела да резвившихся на окрестных лугах и временами заглядывавших в ближайший лес. А вернуться домой — дабы перекусить, например — им вздумалось примерно в то же время, когда в поселок нагрянул грозный «колдун» и громовержец со своими прихвостнями.

О том, что дело дрянь, мальчишки догадались еще на подходе, издалека заслышав звуки выстрелов. Громкие, резкие. И непривычные для человека, выросшего в мире, не знавшем огнестрельного оружия.

То, что они затем увидели, только подтвердило опасения. Ворота лежали разломанные. На месте проема, который они загораживали, зияла дыра с черными от копоти неровными краями. И колокол... если он звонил прежде, то успел замолчать. А хуже этого и быть не могло.

Правда, ни на каких демонов и колдунов мальцы не подумали. Ведь колдуны и прочие исчадия Тьмы давно были загнаны за неприступные горы. Тогда как маги слыли верными слугами Империи Света и защитниками ее подданных. К коим, кстати, относили себя и жители этого приграничного поселка. Даром, что вспоминали о подданстве лишь от случая к случаю.

Так или иначе, а бояться магов имперским подданным было нечего. Их следовало уважать. А когда потребуется — обращаться за помощью. Об этом даже здесь, у самого края Империи, знал каждый ребенок. Маги помогут... защитят и от разбойников, и от злых варваров. Которые только и делают, что грабят да сжигают мирные селения, а жителей уводят в плен и всячески издеваются. Особенно над детьми.

В общем, мало кто здесь, у северных рубежей Империи, не знал, кто такие варвары. И дети знали, и даже, наверное, каждая собака. А некоторые даже имели несчастье познакомиться с кровожадными дикарями лично.

Так что возвращавшиеся с прогулки мальцы недолго раздумывали насчет того, что делать дальше. Одному недавно исполнилось семь лет, второму — восемь, так что в бойцы они годились разве что против гусей и кур. Для спасения поселка от варваров срочно требовалась помощь настоящих воинов. И мальчишки знали, где их найти.

Мальцам было известно то, о чем по понятным причинам не ведал Каледин... на свою беду. В поле в нескольких часах ходьбы от поселка стягивались, вставая лагерем и готовясь к походу, сразу три имперских легиона.

Причину тоже не знал в этих местах только ленивый... или чужак. В последние месяцы у северных границ сделалось беспокойно. Набеги варваров на приграничные селения случались все чаще. Особенно после того, как им удалось взять штурмом и разграбить одну из имперских застав.

Мало того! Ответная атака на обнаруженное разведкой варварское поселение с помощью магических виман отчего-то закончилась неудачей. Обе виманы были потеряны, а посланный на добывание конный отряд штурмовать поселение в одиночку не решился. Будучи, во-первых, слишком малочисленным, а во-вторых, не имевшим подходящего оружия и соответствующего боевого опыта.

Но Империя не стала бы Империей, если б всякий раз пасовала перед какими-то грязными дикарями. Хоть и долго размышляли сановники и военные стратеги, но в итоге

даже столь громоздкий и неповоротливый механизм, каким бывает любое большое государство, развернулся в нужную сторону. Всем вплоть до императора сделалось очевидным, что против варваров действенна только грубая сила. И родилось решение силу эту к ним, наконец, применить. Делая ставку не столько на волшебство, сколько на старую добрую сталь.

Для того-то Империя и стягивала крупные силы к северным границам. Очень скоро легионам предстояло их пересечь. И либо истребить соседей-варваров, либо покорить их. А на худой конец хотя бы отогнать от имперских рубежей подальше.

В ожидании приказа о начале выступления воины тренировались, освежая навыки владения оружием и действия в строю. Время от времени некоторые из них еще навевались в ближайший трактир. Или в поселок, вроде того, куда сегодня пришла беда. Приводила воинов обыкновенно жажда выпивки и общения с женским полом.

Командование подобные визиты, разумеется, не поощряло. Однако и не запрещало. Не чинило препятствий тем, для кого предстоящий поход мог оказаться последним. А значит, последней оказывалась и возможность повеселиться, отвести душу. Потому — зачем мешать? Ведь весьма вероятную смерть в бою все равно ни одно наказание не перевесит.

Иногда визиты из военного лагеря совершались и официально. По прямому приказу командования. Например, чтобы договориться с местными жителями о поставке продовольствия или фуража. Никаких реквизиций — то бишь, узаконенного грабежа. Все, чем делились мирные подданные с защитниками родины, оплачивалось звонкой монетой из имперской казны. Все цивилизованно. Ибо имперское воинство — не какие-нибудь варвары или лесные тати. Подданные должны были усвоить эту разницу с детских лет.

Главное же, что о стоянке легионов местный люд знал. Включая население злополучного поселка. Было известно и местонахождение лагеря. Куда теперь отправились мальчишки в надежде привести помощь.

Да, добрались до лагеря они уже ночью. Однако и новость о прорыве варваров, если оный вдруг случался, имела для готовящегося к походу соединения наивысшую важность. Настолько, что о нападении на поселок немедленно доложили командующему. Не постеснявшись его разбудить.

Командующий же соединением, в свою очередь, не только не стал бранить ни мальчишек, ни поднявших его подчиненных. Но и, напротив, увидел в случившемся набеge лишнюю возможность подготовиться к походу. Ведь воевать-то с кем предстоит? Правильно, с варварами. А значит, не грех бы в реальном бою, пусть и малыми силами проверить, чего эти варвары стоят. А главное: чего стоят воины Империи против варваров. Учения учениями, но настоящего боевого опыта ничто не заменит.

Так рассуждал он — старый вояка и умелый командир, давно уставший подсчитывать походы и битвы, в коих ему довелось поучаствовать. И потому не стал тянуть время. Но немедля отрядил в помощь мальчишкам и их поселку целых две пешие сотни.

Илья, Малран и Кира успели преодолеть около половины пути от окраины деревни до башни. Чтобы затем, ошеломленными, наблюдать, как приходит в движение вся та свалка костей, захламлявшая пустырь. Вернее, это они трое думали, что захламлявшая. На деле же, оказалось, кости эти валялись здесь с вполне определенной целью. Какой именно — догадаться труда не составило.

Взмывая над землей не менее чем на метр, кости стягивались со всего пустыря в определенное место. Оказавшееся совсем близко — всего в паре метров от незваных гостей колдуньи Вуламары. И едва ли то было случайное совпадение.

«Похоже на фокусы Гарпа! — промелькнуло в голове Криницкого, — тогда, в лесу!..»

Из трех человеческих скелетов юному колдуну удалось собрать целого великана. Победить которого не удавалось до тех пор, пока не был побежден и нейтрализован его создатель. А что можно собрать из всего множества костей, валявшихся в окрестностях башни колдуньи, Илье и представить было страшно.

Ну да представлять и не потребовалось. Прошло меньше минуты, и порождение темных чар явилось воочию. Оказавшись скелетом динозавра... нет, скорее, дракона. Имелись у того и остатки крыльев. Суставы передних конечностей: куда более тонкие и гибкие. Дракон-скелет взмахнул ими — и взлетел назло законам аэродинамики.

Хотя было еще светло, приглядевшись, можно было и на сей раз заметить все то же холодное сияние, теперь окутывавшее костлявого монстра. Гораздо более заметным и ярким оно казалось, излучаемое из глазниц и широко раскрытой пасти. Что придавало морде мертвого дракона вид совсем уж жуткий, даже демонический.

— Ах вот, как здесь встречают гостей! — первым очнулся от ступора Малран.

В бой, правда, не ринулся. Сочтя более здравым обратиться к Илье:

— Давай-ка, Разрушитель! Разрушь и его!

Криницкий и не спорил. Против всего, что было сотворено чужой волшбой, магией, колдовством и чародейством, имелся единственный способ борьбы. Следовало уничтожить эту самую волшбу. Куда уж проще! Только вот владел этим приемом из ныне живущих людей разве только сам Илья.

Махать мечом, что выглядел рядом с драконом как игла или зубочистка, бывший актер, конечно, не стал. Вовремя вспомнил, как когда-то разделался с имперской виманой. И когда дракон-скелет метнулся в его сторону, нацелив на Илью подсвеченную мертвенным сиянием морду, Криницкий метнул в эту морду подобранный с земли камень.

Бросок оказался удачным. В пору было, обращаясь к дракону-скелету, воскликнуть: «Что — съел?!». Хотя бы потому, что угодил камень чудищу напрямиком в пасть.

Как и следовало ожидать, колдовское сияние, и прежде тусклое, после броска погасло совсем. Прямо в воздухе дракон-скелет рассыпался на части. И с множественным и частым глухим стуком — как при дожде — обрушился на землю.

Однако не успели путники перевести дух, как кости зашевелились вновь. Чтобы снова собраться в костяного дракона. Не преминувшего ринуться в новую атаку на явившихся к башне чужаков.

Атака оказалась столь стремительной, а возрождение дракона-скелета до того обескуражило, что путникам только и осталось, что броситься врассыпную. На миг дракон

застыл в воздухе и, поводя черепом с огромной пастью, глянул на разбегавшихся человечков. После чего, не иначе, определившись, устремился к Кире. То ли из всех противников счел ее самой легкой. А может, девушке просто не повезло. Коль повезло ее спутникам.

Кира истошно завизжала.

— Илья! — еще громче завопил Малран, — попробуй мечом! Ну, тем, серебристым...

Криницкий ничего не ответил. Спорить не стал. Однако и следовать совету бывшего наставника не собирался. Возможно, меч, найденный в змеиной пещере, действительно мог сразить костлявую тварь. Но надолго ли? Гарпу же удалось снова воспользоваться костями воинов-скелетов, заветным мечом вроде выведенных из игры. Даже Гарпу! Правда, с копилкой. А мастерства колдовского у Вуламары наверняка побольше.

Это, во-первых. А во вторых, к башне они трое, в конце концов, не драться пришли. Но напротив, найти союзника. Так что продемонстрировали силу разок — и будет. Пора переходить к переговорам. Аль Капоне вроде говорил, что с помощью доброго слова и револьвера можно добиться большего, чем с помощью только доброго слова. В роли револьвера выступил камень, разрушивший чудовищного стража... даром, что ненадолго. Теперь пришел черед и для доброго слова.

— Эй! погоди! — выкрикнул Илья, обращаясь почему-то к дракону-скелету, — мы поговорить пришли! Можем поговорить?..

Криницкий до конца не верил, что сработает. Но... получилось: чудовище замерло примерно в метре от Киры, успевшей, наверное, уже попрощаться с жизнью. А затем повернуло озаренную колдовским сиянием морду.

— Поговорить-то можем, — разнесся над пустырем женский голос — громopodobный, точно усиленный громкоговорителем, — вот только зачем это мне? И вам?..

И на этот вопрос Криницкий вполне мог ответить. Вспоминая о Гарпе, о схватке в лесу, он вполне закономерно перескочил мыслью к копилке. Вместилищу колдовской силы, формой похожому на летающую тарелку.

— Мадам! — с неожиданной торжественностью, начал бывший актер, — сдается мне, вы кое-что потеряли. Покажи ей, Малран!

Что именно следовало показать, уточнять не потребовалось. Варвар спешно извлек копилку и выставил перед собой на вытянутой руке.

На миг череп дракона повернулся в сторону Малрана. Озаренные холодным светом глазницы вперились в юного варвара... в «летающую тарелку» у него в руке. Затем дракон-скелет развалился. Вернее, распался на отдельные кости. А колдовская сила разнесла и разбросала их снова по всему пустырю.

Последнее, кстати, выглядело весьма жутковато. Одному только Криницкому пришлось пару раз увернуться от крупных костей, грозивших то на голову свалиться, то упасть на ногу. Но обошлось без жертв.

— Ладно, проходите! — снова разнесся над пустырем оглушительный голос, когда от дракона-скелета снова остались лишь отдельные кости. Просто кости.

Путники двинулись к башне. И им навстречу уже распахнулась сама собой единственная дверь: металлическая, черная. И украшенная узором в виде огромного красного распластанного паука.

Подмога для несчастного поселка подоспела на рассвете. Едва на горизонте замаячила полоска света от восходящего солнца. Возможно, имперские воины добрались бы и побыстрее. Будь они конными, а не пешими. Вот только конницей штурмовать населенные пункты неудобно. Развернуться негде — среди множества домов да на узких улицах. Зато стрелкам противника явное преимущество. В виде более крупных и менее подвижных мишеней. Каковыми непременно являются всадники на лошадях по сравнению с пешими воинами.

А коль шел отряд пешком, пришлось оному приспособиться к неизбежному ограничению. Даже шагать воинам пришлось медленнее, чем они могли бы. Поскольку идти быстрее не мог один из мальчишек, отправившийся показывать дорогу.

Хоть и имелась в штабе соединения карта местности, но указать на ней местонахождения поселка мальцы не смогли. По причине банального невежества. Куда им, неграмотным крестьянским детям, увидеть смысл в разноцветных линиях и пятнах на листе пергамента! Названия же населенные пункты в этой глуши не имели. А в канцелярии Империи или здешнего наместника наверняка числились лишь под безликими номерами.

Теперь перейдем к виновникам торжества — то есть, к захватившим поселок Виктору Каледину и его людям. Расположились захватчики в жилище местного головы... бывшего. А ныне оттуда изгнанного. В самом высоком здании в поселке, если не считать, конечно, башни-каланчи. В дальнейшем Виктор Захарович намеревался превратить этот дом в резиденцию правителя уже всех окрестных земель.

При этом уж в чем, а в беспечности упрекнуть захватчиков было нельзя. Прежде чем отправиться на боковую, Каледин выставил двух часовых. Одного — у новоиспеченной резиденции, а второго возле проема-дыры, оставшегося от снесенных ворот.

Опасался, впрочем, Виктор Захарович не нападения извне, но всего лишь каверз со стороны местных жителей. Во-первых, кое-кому из них могла прийти мысль поджечь дом головы. Вместе со страшным «колдуном» и его прислужниками — столь же беззащитными в объятьях Морфея, как и любые двуногие. Кое-кому... особенно родне убитых поселян.

Во-вторых, даже если б туземцы не осмелились на месть, страх мог заставить новоиспеченных подданных Каледина банально собраться и покинуть свои дома. Правителю самозваному оставляя лишь голые стены, несколько трупов, ну и, конечно, собранные по его требованию якобы ценные вещи.

Вот для предотвращения бегства запуганных аборигенов и был поставлен часовой у бывших ворот. И именно он заметилдвигающуюся к поселку колонну. Так что приход имперцев, по крайней мере, не застал Каледина и его людей врасплох. Не то все могло произойти гораздо быстрее. А так...

Передовую группу, отделившуюся от основной колонны, дозорный срезал автоматной очередью. Еще на подходе к проему. Глядя, как падают их товарищи, остальные воины Империи Света поспешно сдали назад. И принялись выстраиваться в боевые порядки. А маги — их к каждой сотне было прикреплено по одному — воздвигли между поселком и передовыми позициями дымку магической защиты. Едва заметная, пули она, тем менее, не пропускала. Чем весьма озадачила пустившего новую очередь боевика.

Удивляться тому пришлось недолго. Ровно столько времени, сколько потребовалось,

чтобы заменить обойму в автомате. На это время защиту убрали. А сразу пятеро лучников успели выстрелить по обнаружившему себя супостату.

Лишь одна из выпущенных стрел не причинила калединскому боевику серьезного вреда, попав ему в грудь — в бронежилет. Еще одна воткнулась в частокол на самом краю развороченного проема. Зато три оставшихся угодили соответственно в глаз автоматчику, в ногу и шею, бронежилетом не защищенные.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Так Виктор Каледин лишился одного из своих бойцов. Однако звуки стрельбы, показавшиеся в утренней тишине оглушительным грохотом, успели пробудить и захватчиков с Виктором Захаровичем во главе, и даже мирных жителей. В некоторых из домов заплакали дети. А взрослые думали с тревожным раздражением: «Неужели опять?!»

Один за другим, боевики в доме поселкового головы поднимались со спальных мест и хватались за оружие. Прихватил пистолет и сам Каледин. Как и Заноза — даром, что испуганный начавшейся заварушкой.

А тем временем бойцы имперского отряда преодолевали проем в частоколе. Двигаясь между стенами домов и заборами, воины рассредоточивались, озираясь. Некоторые уже держали наготове мечи, готовые в следующее мгновение вступить в бой. С таким же, как они мечником или иным бойцом... но вооруженным непременно холодным оружием.

Ошибочные ожидания и замедлили продвижение имперцев. Как и незнание, где искать противника. И стоит ли вообще их искать. Пока один из воинов догадался расспросить дородную бабу, высунувшуюся из ворот, пока его товарищи подошли к дому головы достаточно близко — Каледин и его люди были уже в полной боевой готовности.

Забора вокруг занятого ими дома не было. Считалось, видимо, что высшему должностному лицу поселка нечего скрывать от народа. И незачем скрываться. Кто бы из поселян ни пришел с бедой или заботой — всегда добро пожаловать. Хорошо, хоть двери запирались. Но в любом случае эта особенность несколько затрудняла оборону дома. Хотя и не сказать, чтобы уж так принципиально.

Зато имелся рядом с домом головы пяточок открытой местности, неплохо простреливаемый. Чем люди Каледина не могли не воспользоваться.

Первый же десяток имперских вояк, показавшихся на этом пяточке, часовой отправил на тот свет, еще стоя на крыльце. А уже затем, закинув автомат на плечо, юркнул за дверь.

В следующую группу имперцев, едва они высунулись из-за ближайшего дома, полетела граната. Брошенная одним из боевиков из окна второго этажа. Взрыв не только разметал в клочья воинов, но и обрушил одну из стен злополучного дома. После чего сама постройка накренилась, а ее крыша обрушилась.

Ответом на эту атаку стала туча стрел, устремившихся к осажденному дому с разных сторон. Кто-то из боевиков Каледина успел отскочить от окна. Или упасть и вжаться в пол. Или захлопнуть ставни, наконец — стекол-то в местных жилищах не имелось. Но были два бойца, чьей расторопности, а может, и везучести не хватило, чтобы пережить этот обстрел. Причем одного по иронии судьбы стрела настигла, как раз когда он потянулся, чтобы захлопнуть ставни. И так неловко высунулся из окна.

Уже трупом бедолага рухнул на землю.

Снова застрекотали автоматы, захлопали дробовики. Но они не помешали прикрытому защитной дымкой магу — весьма любопытному малому — подползти к дому. И оттащить выпавшего из окна незадачливого, а ныне мертвого боевика.

Другой маг метнул в сторону одного из окон молнию. Ставни, оказавшиеся у нее на пути, разлетелись в щепки. И хотя иного вреда дому и засевшим в нем захватчикам этот удар не причинил, боец, занимавший у этого окна позицию, насмерть перепугался. Настолько, что дал бы деру. Если б было куда. И кабы не суровый взгляд босса.

— Хреново дело, — зачем-то сообщил очевидное боец, натолкнувшись на этот взгляд, — их слишком много. Они атакуют...

— ...и мы потери несем, — изрек Каледин, словно дополняя, — и, похоже, не такие уж они отсталые.

Насчет последнего он догадался после удара рукотворной молнией.

— Гранатами! — громче звуков выстрелов прозвучал голос Занозы — пронзительный, едва ли не хнычущий, — гранатами закидайте все это дерьмо! Взорвите, сожгите на хрен! Чтоб тут камня на камне не осталось!

Но никто, понятно, не внял этим призывам. Мало того, что насчет «камня на камне» помощник Каледина попал пальцем в небо: дома-то в поселке были почти сплошь деревянными. Каменный — только дом головы. Так, вдобавок, правитель в душе Виктора Захаровича уже начал пересиливать захватчика и просто лихого человека. Каледин понимал, что если сровнять поселок с землей вместе со всеми его обитателями, править ему будет нечем и некем. Так что принцип «не гадить, где живешь», неожиданно приобрел для этого человека новый смысл.

Не говоря уж о том, что и запас гранат был отнюдь не безграничным.

Нападавшая сторона, кстати, тоже не спешила с жесткими, но действенными мерами. Например, сжечь осажденный дом с помощью горящих стрел. Ведь среди почти сплошь деревянных строений пожар бы стремительно распространился, превращая в пепелище весь поселок. А допускать этого не следовало. Приказ командующего соединением прямо предписывал сберегать жизни и имущество подданных Империи... по возможности, конечно.

Так что до поры план имперцев состоял в том, чтобы выбить засевших в окнах стрелков противника. После чего ворваться в дом и добить тех, кто остался. Страшная сила, позволявшая окопавшимся в доме супостатам разом выкашивать по несколько человек, воинов если и пугала, то не шибко. О противнике своем они узнали главное: те могущественные существа не только неотличимы с виду от людей, но и смертны. Несмотря на всю свою хваленую силу.

Насчет происхождения врагов бойцы имперского отряда тоже не задумывались... почти. Военным вообще думать вредно, а полезно выполнять приказ. Который в данном случае гласил недвусмысленно: поселок защитить, а тех, кто на него напал — уничтожить. Чем отряд и занимался в меру сил и возможностей.

Лишь некоторые из воинов предположили, что столкнулись вовсе не с варварами. А, скажем, с проскочившими из Загорья колдунами. Или какие-то маги-ренегаты в этих землях объявились. Какие-нибудь изгои, коих, к примеру, выставили за двери Магистериума за какую-нибудь провинность, не дав доучиться.

У того из магов, который смог добраться до трупа вражьего бойца, последнее предположение вызвало бы саркастическую улыбку. Уж он-то знал, что недоучки, нарушившие имперские законы и внутренние уложения, принятые среди магов, одним лишь изгнанием бы не отделались. О, никто бы не позволил бродить на воле даже простым преступникам! А уж тем паче имеющим какие-то познания в магии.

Быть магом и не служить Империи Света — для сведущих людей это звучало не меньшим вздором, чем предположение, что рыбе не обязательно жить под водой. Ведь в немалой степени именно магам Империя обязана своим появлением.

Не был убитый и пришельцем из Темных Земель... во всяком случае, колдуном. Специальное заклинание, предназначенное для распознавания лазутчиков Тьмы, не обнаружило в убитом даже слабеньких колдовских способностей.

В общем, оказался вывалившийся из окна супостат обыкновенным человеком. Как с виду, так и по своей сути. Но вот оружие у него действительно было необычным. Ничего колющего и режущего: просто металлическая палка... нет, узкая трубка, да вдобавок, неправильной формы. Но с ее помощью можно было убивать на расстоянии. И не хуже, чем из лука или арбалета. Уж быстрее уж во всяком случае. И этот грохот, издаваемый такими вот палками-трубками — почему? Для чего? Неужели для того лишь, чтобы пугать невежественных крестьян, дабы сойти в их глазах за такого грозного громовержца?

Вопросы, вопросы — они требовали ответов. Для которых знаний у любопытного, но пока не слишком опытного мага, увы, не хватало. Потому он решил обратиться за помощью... ну, хотя бы к своему наставнику из Магистериума. С ним маг связался посредством Волшебного Зеркала. Для чего сперва укрылся вместе с оружейной палкой-трубкой в стоявшем неподалеку сарайчике. Дверь у сарайчика была хлипкая, замок ржавый, так что проникнуть внутрь труда не составило.

Пока любопытный маг беседовал с наставником, товарищ его вовсе не бездействовал. Но стремился всячески насолить защитникам осажденного дома. Для чего использовал окно, в котором давеча вышиб ставни.

Сначала через это окно в комнату влетел шар яркого света размером с футбольный мяч. Повисев в воздухе, шар устремился к ближайшему из боевиков — тому, который, присев, занимал позицию у подоконника.

Боевик едва успел заметить шар, а заметив, проорать: «Блин! Шаровая молния!», когда сгусток света... нет, холодного огня соприкоснулся с ним. И каким бы ни был огонь холодным, он разрушительным оттого быть не перестал. Мгновение — и калединский боец вспыхнул ярко. Да так же быстро и погас. Вернее, погасло то, что от него осталось: чистенький, только что слегка почерневший от копоти, скелет.

После «шаровой молнии» желающих держать оборону у того окна не нашлось. Правда, и совсем беззащитным дом с той стороны не сделался. На пороге комнаты с лишенным ставен окном засел другой автоматчик. Он-то и стал первой жертвой еще одного «подарочка» от неугомонного мага.

Монотонно жужжа, через распахнутое окно в комнату влетели целые полчища ос. Понятно, что палить по таким противникам из автомата или пистолета нечего было и думать. А чего стоило, так только спастись бегством, не забывая крепко запереть за собой дверь.

Вот только боец калединский не сделал ни того, ни другого. За что и поплатился. Ринувшись всей тучей, осы буквально облепили его, жаля глаза, нос, щеки. Сжатыми кулаками человек давил мелких врагов прямо на лице. Давил, не сдаваясь, покуда оставались силы. Пока, наконец, не свалился замертво.

Покончив с боевиком, оставшиеся осы разлетелись по помещениям дома. Где сумели хотя бы вызвать панику у Виктора Захаровича, Занозы и еще имевшихся в их распоряжении бойцов. Из этих, последних, двое дурней заплатили жизнями, когда открыли окна в надежде

выманить треклятых насекомых наружу. О других врагах — больших, двуногих и со стрелами, эти двое позабыли. И противная сторона немедля воспользовалась этой оплошностью.

После нашествия ос Каледин решил: лучшее, что он мог бы сделать — это спрятаться в заблаговременно обнаруженном подполе. Все равно в сражении от него с пистолетом толку мало.

Подобная же мысль, не иначе, посетила и голову Занозы, молча последовавшего за патроном. И нельзя было сказать, что Виктор Захарович обрадовался такому соседству.

Столь объективно трусливый поступок — уход предводителя с поля битвы в более безопасное место — не мог не сказаться на боевом духе оставшихся в живых калединских боевиков. Причем и без того дух этот находился отнюдь не на подъеме. Ибо ход битвы явно не благоволил оборонявшейся стороне.

Да, окрестности дома поселкового головы были завалены трупами. Но все равно его продолжали держать в осаде свыше сотни воинов, окружавших дом со всех сторон. Потери их не смущали. Сдаваться бойцы осаждавшей стороны и не думали — невзирая на потери. И посылали раз за разом в сторону дома то стрелы, то арбалетные болты. Большей частью, конечно, неудачно. Ну, так и у засевших в доме людей Каледина каждый боец был наперечет. И потеря каждого из них в случае хотя бы одного на сотню удачного выстрела считалась серьезным уроном для всей группы.

О том, что боеприпасы к огнестрельному оружию тоже не были беспредельны, и говорить было нечего. И когда патроны, наконец, иссякнут, с ними же закончится и имевшееся у калединских бойцов преимущество.

Так что вполне закономерно боевики, оставшиеся без присмотра Виктора Захаровича, начали подумывать о сдаче. А потом от дум перешли к разговорам — сперва, правда, лишь на уровне коротких реплик. Но нетрудно было догадаться, до чего они договорились бы уже через час. Если бы...

— Блин! Да они валят... смотрите! — вдруг воскликнул один из бойцов.

Еще двое его подельников подоспели к окну, возле которого этот глазастый боевик занимал позицию. А когда посмотрели, нарождающееся отчаяние в их сердцах сменилось осторожной надеждой.

Имперские воины действительно отступали. Причем, как потом стало видно и через другие окна — по всем пяти улочкам, выходящим к дому головы. Они отходили и отходили к частоколу. Вскоре следом за ними потянулись и некоторые из поселян. В первую очередь те, которые жили в ближайших к резиденции головы, домах.

Боевики Каледина наблюдали за этим поспешным отходом, затаив дыхание и не произнося ни слова. Кто-то из них даже слышал, как сердце бьется в груди. Пока один из бойцов не спросил с настороженным недоумением:

— Ой! А это че такое?..

Имел он в виду облако бурового дыма, плывшее со стороны отступавших имперских воинов к осажденному дому. Если бы снайпер еще оставался в живых — если б его не сразила одна из стрел — он бы разглядел в прицел своей винтовки, как облако это срывается с ладони одного из магов. Тот его сдувал на манер воздушного поцелуя. Возможно даже, сообразил снайпер, что к чему, мог бы вовремя нажать на курок и избавиться сразу и от мага, и от облака.

Ну да какой смысл гадать? Случилось то, что случилось.

Когда вышеназванный маг связался с наставником и рассказал о странном оружии, убивающем быстро и с большого расстояния, почтенный старец из Магистериума немало встревожился. Но быстро овладел собой. Чтобы затем посвятить одного из лучших учеников в одну из тех тайн, о которых даже среди магов ведает не каждый.

Тысячелетия назад, задолго до основания Империи Света, подобные скорострельные трубки-палки создавались некими Текнами. То ли сектой, то ли особой кастой, решительно не признававшей никакой волшбы. И пытавшейся создать грубое подобие магических предметов с помощью специальных конструкций и расчетов.

Кое в чем Текны действительно преуспели. Были у них, например, летающие корабли, в отличие от виман не требовавшие магической силы, чтобы передвигаться по воздуху.

И все же главным занятием Текнов стало именно создание оружия. Год за годом, век за веком извращенные умы делали его все более быстрым и разрушительным. Способным поражать противника на все большем и большем расстоянии.

Дошло до того, что воинам противоборствующих сторон можно было сидеть по крепостям. А ударами обмениваться, просто нажимая на рычаги и кнопки созданных Текнами устройств.

Мало того. Полным ходом Текны приближались к созданию абсолютного оружия, способного разом уничтожить все живое в мире. Зачем только — неведомо даже мудрецам из Магистериума.

Добро, хоть осуществить задуманное Текны не успели. Положение было спасено тогдашними магами, находившимися в подполье. Маги создали Ржавую Чуму. Особое заклинание, разрушавшее металлы — причем в первую очередь те, что использовались при создании творений Текнов. В течение нескольких дней Ржавая Чума уничтожила не только диковинное оружие, но и многие другие сложные приспособления. В том числе станки, использовавшиеся Текнами для изготовления новых своих изделий.

Так Текны утратили главенствующее положение в мире. Но вот теперь, как с тревогой предположил наставник, вознамерились, не иначе, взять реванш. Попытку эту следовало задавить в зародыше. Для чего старец из Магистериума велел своему ученику самому прибегнуть к заклинанию Ржавой Чумы. С коим и поспешил его познакомить.

Именно это заклинание породило бурое облако, направившееся теперь к дому, где засели Каледин и его люди. Именно оно вызвало удивление боевиков, пришедшее на смену робкой радости от вроде бы одержанной победы.

Оказалось, радоваться было рано. Это стало ясно, едва облако впорхнуло в одно из окон. И автомат ближайшего к нему бойца рассыпался в труху.

Ему повезло — оружие было не заряжено. Так что прожил этот боевик несколько дольше остальных. Отделался легким испугом и матерной фразой. Пока. В то время как облако достигло одного из его подельников, второго, третьего. Вместе со стволами разрушая и... заряженные в них патроны.

А те взрывались с оглушительными хлопками. Прямо в руках бойцов. В лучшем случае — рядом с ними, если кто-то из боевиков успевал бросить автомат или дробовик на пол. Результат, так или иначе, выходил примерно одинаковый. Как от выстрела... нет, нескольких выстрелов в упор.

Кому-то из боевиков оторвало руки. Кому-то выбило глаза. Кто-то лишился ноги или лежал с перебитым позвоночником. Долго мучиться, впрочем, не пришлось никому. Вскоре весь дом содрогнулся от такого взрыва, рядом с которым давешние хлопки показались бы

детскими хлопушками. Это Ржавая Чума добралась до ящиков с оставшимися еще запасами патронов и гранатами.

Одну из стен снесло и раскрошило на отдельные куски, полетевшие в соседние дома. Накренившись, рухнула крыша. И почти одновременно оставшиеся стены вместе с перегородками сложились на манер карточного домика. Погребая под собой тех, кто еще оставался внутри — живых и мертвых.

Взрывная волна смела солому с крыши одной из ближайших хижин. Еще в нескольких домах каменными обломками повредило стены и поломало заборы. Этим ущерб поселку от Ржавой Чумы да последовавшего взрыва, собственно, и ограничился.

О том, что дело наверняка закончится взрывом, мага предупредил наставник из Магистериума. А маг, в свою очередь — боевых товарищей и крестьян. Этим и объяснялось отступление имперских воинов. За которыми последовали обитатели соседних с осажденным домов.

Теперь же опасность миновала.

— Можете возвращаться, — бодро так сообщил жителям поселка сам командир весьма потрепанного отряда, — даже если в том доме кто-то остался в живых... ему сейчас ох, как плохо!

Взрыв пережили только Виктор Каледин и Заноза. Исключительно благодаря тому, что находились в подполе. С потолка подземного этажа на них просыпалось немного мелкого мусора и паутины, но полы в этом доме оказались прочными. Не провалились под тяжестью крыши и стен.

Но и то, что взрывом их не убило, не давало Каледину и Занозе повода для оптимизма.

— Что... что это было? — испуганно вопрошал Заноза, когда сверху громыхнуло и словно ударило гигантской ладонью.

— Известно что, — голос Виктора Захаровича звучал спокойно, а мозг подобными вопросами не задавался. Не будучи дураком, Каледин сразу понял если не причину взрыва, то, по крайней мере, ее источник. Детонировавшие боеприпасы. О причинах догадаться тоже было в принципе несложно. От местных уникамов, способных насыпать шаровые молнии или жалящих насекомых, ожидать следовало, в том числе и этого.

Нет, волновал Виктора Захаровича совсем другой вопрос. И чтобы проверить свои опасения, он поднялся по ступенькам к люку, ведущему наверх. Толкнул его обеими руками...

— Не поддается, — не спрашивал, скорее, констатировал Заноза, наблюдая за патроном, — нас завалило, да. И воздуха надолго не хватит.

«Ну, одному хватит на вдвое больший срок, чем двоим», — мог бы сказать, но лишь подумал Каледин. Был он умнее Занозы и предпочитал следить за базаром. Придерживая, в том числе те слова, по которым враждебная сторона могла догадаться о его намерениях.

Враждебная сторона... А ведь другой-то, дружественной, в жизни Виктора Захаровича и не бывало. Конкуренты ли, бизнес-партнеры или даже подчиненные — все они стремились потянуть одеяло на себя. Разной была лишь форма, которую принимал очередной конфликт...

С этой мыслью Каледин рывком развернулся. Ствол пистолета Занозы смотрел ему прямо в лицо. Впрочем, и свое оружие Виктор Захарович успел достать. Пока поворачивался, почти машинально.

А еще он смог нажать на курок первым.

— Итак, пришли поговорить — говорите. Только не возражайте, если и я захочу кое-что спросить.

Вуламара принимала гостей в чистой и просторной комнате, обставленной вполне со вкусом. Только вот вкусы у колдуньи были своеобразные. В расцветке мебели, портьер и плитки, коей были облицованы стены, преобладали черные, красные и почему-то розовые тона.

Сама хозяйка башни не была ни сторбленной старухой, вроде Бабы-Яги, ни роковой красоткой. Каковой воображал ее хотя бы Илья Криницкий. Нет, просто женщина — невысокая, хрупкая. С первого взгляда колдунью можно было принять за девочку-подростка. Тем более что на ее бледном лице не прорезалось ни единой морщинки. Но вот глаза... не было в них тех искорок веселого легкомыслия, что присуще в юном возрасте даже несчастным отпрыскам неблагополучных семей и не менее несчастным школярам-зубрилам.

Кроме бледного лица и глаз — пронзительных и по-старчески мудрых — примечательного во внешности Вуламары было не так уж много. Черная, как крылья вороны, одежда, копна черных волос, черные же тени под глазами. Желания смотреть на хозяйку башни все это в совокупности как-то не прибавляло. А уж любоваться ею...

Но смотреть приходилось. Особенно когда Вуламара и гости расселись по креслам в вышеназванной комнате на втором этаже башни.

Первым в разговор вступил Малран. После самой хозяйки, разумеется.

— Гарп передает привет, — выпалил он с поистине варварской прямоотой. И протянул колдунье копилку.

— Благодарю, очень кстати, — сухо молвила она, осторожно беря «летающую тарелку» у него из рук, — неужели пожалел и встал на путь исправления? А чего тогда сам не пришел? Или... я правильно поняла? Такие бравые ребята, как вы, могли заполучить ее в качестве боевого трофея. А самого этого мальчишку оставить гнить где-нибудь в кустах. Но с другой стороны, как вы тогда узнали, что копилка принадлежит мне?

— Все не совсем так, — скопом ответил Илья на этот поток вопросов, сильно смахивавший на беседу Вуламары с собой же, — да, мы действительно сражались... Гарп напустил на нас трех скелетов с оружием...

— Трех человеческих скелетов, — перебила колдунья, особо выделив слово «человеческих», — подозрительная у него тяга к мертвым людям, я скажу. Неспроста это. Ох, неспроста. Ну да ладно, продолжайте.

— Нам удалось победить его, — последовали слова Криницкого, — копилку мы отобрали... видите ли, она делала Гарпа гораздо сильнее. Но убивать не стали, поскольку без копилки он был безобиден.

От бывшего актера не укрылся взгляд, который бросила на него Вуламара. Оценивающий взгляд... и чуточку удивленный — как раз когда Илья заговорил о преимуществах, данных колдуню-недоучке копилкой.

— Решили оставить его в живых, — дополнил слова Ильи Малран, — да расспросить кое о чем. Кто таков. Где тут живет ближайшая колдунья... да и что делается вообще.

Теперь хозяйка башни перевела взор на юного варвара. Уже не оценивающе на него поглядела, а с подозрением. Малран даже смутился под этим взглядом.

— Нам жаль, что Гарп обокрал вас, — взяла слово теперь и Кира, — надеюсь, он не потратил... то, что было в копилке... слишком сильно.

Теперь Вуламара не глядела на гостей аки следователь на подозреваемого. Она рассмеялась — хоть и коротко, но совершенно искренне.

— Дорогуша, — обратилась хозяйка башни к девушке, — то, что содержится в копилке, называют колдовской силой или просто силой. Это первое. Второе: даже если этот гаденьш Гарп опустошил ее до дна, пополнить копилку снова труда не составит. В ближайшем Колодце Силы... знаете, что это такое?

Так вот, у нас, в Темных Землях мертвых не принято ни хоронить, ни сжигать. Тех, кто при смерти, обычно отправляют в такие колодцы. Потоки силы растворяют тела, а души поглощают. Пополняя запас силы в колодце.

Единственное «но»: души людей, особенно ближе к старости, сильно загрязнены. Воспоминаниями — неприятными все больше. Обидами. Темного в них больше, чем светлого. Вот и получается, если изначально тот запас силы, который содержался в колодце и даровался самой природой, был чист, то теперь сила, которая достается колдунам, по большей части темная. А что делать? Не собственную же душу тратить по капле, как эти дурачки — маги, служащие Свету.

Илья хотел что-то сказать, но не успел. После секундной паузы Вуламара заговорила вновь:

— Есть еще и третье. Вы не из этих мест. Более того, вы вообще не из Темных Земель. Я угадала? — последнюю фразу она произнесла несколько игривым тоном, — не отпирайтесь. Очевидно же. Если о предназначении копилки мы можете не знать просто по невежеству, то уж о Колодцах Силы наверняка должны слышать. Если среди ваших близких хоть кто-то умер... а иначе и быть не может. Ну и так высоко ценить сведения о делах местных, что ради них даже отпустить пленника... как будто больше расспросить некого. Я уж о том молчу, что обо мне знают не только в ближайшей деревне. Но и в некоторых других селениях... местные жители. Да и торговцы тоже. А торговцы способны разнести любую новость сколь угодно далеко. И только чужаки могут не знать, что за колдунья живет в этих краях. И что это именно колдунья, не колдун.

— Что ж. Не будем отрицать очевидное, — вздохнув, подтвердил за всех Илья Криницкий.

— И все же вот что непонятно, — одобрительно кивнув, продолжила Вуламара, — вот вы взяли этого крысенка Гарпа в плен. Расспросили... получив, вернее, узнав, что хотели. Что мешало сюда не только копилку принести, но и вернуть его самого? Понятно, что вы заключили вроде как сделку. Но что мешало вам ее нарушить? Вы же сильнее, так что к ответу этот сопляк бы вас все равно привлечь не смог.

Илью последнее предложение покорило, но он дипломатично промолчал. Малран хотел было что-то ответить, но его опередила Кира.

— Он боялся, что вы его убьете! — выпалила она по-детски обиженным голосом, — убьете... а прежде замучаете. Или...

— Умеет же этот мальчишка на жалость давить, — молвила Вуламара и всплеснула руками, — уж чего у него не отнимешь. А вы и поверили. Хотя чего ждать от выходцев из земель, где властвуют адепты Света. Они ж вам там наверняка все уши прожужжали: те, мол, кто служит Тьме, сплошь изверги и безумцы. Что они только и думают, как разрушить мир. А кто-де его всегда спасал? Ко-о-оне-е-ечно же, адепты Све-е-ета. Маги и их верная челядь.

Только они все зло мира всегда и побеждали, пока остальные от страха тряслись, в уголок забившись. Или собственные делишки обустроивали в ущерб другим. Все понятно... кроме одного. Какого Света вас тогда в наши края потянуло? Если верите такой требухе? Испугались бы извергов, Тьме прислуживающих...

В ответ на эту речугу Илья Криницкий дипломатично так, интеллигентно кашлянул. Но колдунья, как видно, не понимала тонких намеков.

Зато Малран возражения свои выразил словами:

— Начнем с того, что мы не подданные Империи Света. И не на службе у нее. Я вот например, варвар. Так они нас называют. И я буду сражаться с имперцами за то, что они хотят покорить меня и моих соплеменников. А это, — он указал на Илью, — мой ученик. Он доказал с мечом в руках, что ровня нам. А значит, достоин быть принятым в клан.

Вуламара хмыкнула, переводя взгляд с Малрана на Криницкого. И отмечая различие в возрасте «ученика» и «учителя».

— А меня имперцы использовали как рабыню, — с обидой в голосе молвила в свою очередь Кира, — пользовались моей способностью. Использовали и выбрасывали, использовали и выбрасывали. Не нужна, мол, нам уже. Вали на все четыре стороны. Дс следующего раза. А я успевала с жизнью проститься... пару раз — точно.

Если она ждала от хозяйки башни сочувствия, то Вуламара оное уж точно никак не выразила. Ни взглядом, ни жестом, ни словом. Зато сказала — обращаясь ко всем троим:

— Что ж. Про то, что Свет теперь еще и Империя, я слышала от путешественников. Вроде вас. И коль вы любви к этой Империи не испытываете... тогда, надеюсь, поверите тому, что я сейчас скажу. Первое: если в мире и впрямь объявлялись изверги и безумцы, могущественные настолько, чтобы попробовать аж весь мир разрушить — тогда против них вставали и сторонники Света, и приверженцы Тьмы. Во всяком случае, так было до тех пор, пока первые не загнали сюда вторых... то есть нас, отрезав от остального мира. Второе: не мы, как говорят по ту сторону гор, служим Тьме. А используем Тьму так, чтоб она служила нам. Помните, что я говорила про Колодцы Силы? И третье: мы, колдуны, силу Тьмы использующие — не злодеи и не чудовища. Мы просто разумны. Если нам не нужно кого-то убивать, мы не убиваем.

Тот же Гарп... да, он лентяй, самодовольный и капризный. И способности к колдовству у него слабенькие. И интерес ко мне у него, скажу вам по секрету, был... не только ученический. Но с этим уже ничего не поделать. Юность... в таком возрасте иных существ мужеского пола опасно оставлять наедине даже с деревом... если у дерева есть дупло, ха-ха.

Но даже и так — что с того? Какой мне смысл его убивать? Тем более теперь. Если украденная копилка ко мне вернулась. Никакой пользы смерть этого обалдуя мне бы не принесла.

— А... что бы принесло? — робко осведомилась Кира. А Вуламара в ответ от радости даже в ладоши хлопнула.

— Вот! Дорогуша, это и есть самый правильный вопрос, — сказала она затем, — спускаться с рук, конечно, его проступок нельзя. Безнаказанность поощряет новые преступления, это понятно даже адептам Света... и варварам. Что до Гарпа, то я бы превратила его... в статую. Да-да, ненадолго побыл бы статуей. На годик, например. Постоял бы, украшая хотя бы эту комнату. Думал бы о своем поведении.

Илья, Малран и Кира переглянулись, впечатленные услышанным. И реакция их Вуламаре хоть чуток, но задела.

— Не думаю, что в Империи Света с ворами поступают мягче, — изрекла она сухо, — глядят по головке и кормят пирожными. Я уже молчу, какие тамошние маги, оказывается, властолюбцы. Империю вот основали. Всех под себя гребут... не так ли? Тогда как мы тут, колдуны, ни о какой Империи Тьмы даже не задумываемся. Случайность? Я так не думаю.

И вновь колдунья сделала небольшую паузу. Просто чтобы перевести дух. После чего уже перешла к делу:

— Но вы-то... вы искали меня наверняка не за тем, чтобы просто вернуть копилку. Была еще какая-то причина — даже до встречи с Гарпом. Ради которой вы и потащились в Темные Земли.

Затем она осеклась и торопливо добавила:

— Хотя нет, погодите, не отвечайте. Куда больше меня интересует другой вопрос. Вот вы... ты, — Вуламара обратилась к Илье, бесцеремонно наставляя на него указательный палец, — тот бросок, которым ты зашиб... чуть не зашиб моего сторожа. Помнишь? Дракона из костей. Так вот, как ты это делаешь? Одним простым камнем — против могущественного колдовства. Что-то я не слышала ни о чем подобном. Хотя премудростями магов из Империи Света тоже... интересовалась хотя бы.

— Тут на оба вопроса ответ один, — молвил на это Криницкий, — и как я вырубил дракона из костей, и с какой целью мы пришли сюда. Дело в том, что Хранитель... есть такой интересный старичок в наших краях. Он собирает разные знания... свитки, книги старые. Так вот, он считает, что «Пророчество о Разрушителе Магии» — обо мне. Что это я Разрушитель Магии.

— Да ну! — воскликнула Вуламара... впрочем, не без иронии в голосе, — что ж, с одной стороны, это многое объясняет. Слышала я об этом «Пророчестве», отрицать не буду. Но есть один скользкий момент. Этот мальчишка, назвавший тебя своим учеником, говорил, что в их клан на правах воина тебя... приняли. Не по праву рождения, а по каким-то заслугам. В таком случае хотелось бы узнать о твоём занятии до того, как ты стал воином клана варваров. Чем до этого ты занимался, проще говоря?

— Невольником был, — грубовато брякнул Малран, как видно, обидевшийся на «мальчишку», — за скотом ходил. Да у кузнеца на побегушках.

— А еще раньше я был актером, — дополнил непрошенный ответ бывшего наставника сам Илья, — ну или... как здесь это называется? Скоморохом? Лицедеем?

— Даже так! — колдунья всплеснула руками, — нет... конечно, знать ты заранее не мог. И Хранитель не мог. Сильно сомневаюсь, чтобы он был знаком с трудами наших мыслителей...

За этими рассуждениями вслух от Вуламары последовал вопрос:

— Возможно, прозвучит нескромно... но хочу узнать еще вот что. Как ты относился к своему прежнему ремеслу? Только честно. Любил? Или...

— Или, — отвечал, как отрезал, Криницкий, — нет, вначале-то я надеялся прославиться. Разбогатеть опять же. Но как-то не срослось. Платили мало. Роли играть приходилось одни и те же. Так что за годы эта работа успела мне тупо опротиветь. Мало того, что уже сам в образ перестал вживаться — и нужды такой не было, и за лишние усилия никакой награды не обламывалось. Так, вдобавок, уже и другие спектакли — где я не участвовал, фильмы, роли чужие нормально воспринимать не мог. В смысле, как все нормальные... обычные зрители. Без назойливой такой мысли, что все эти зрелища — фальшивки. На дураков рассчитанные.

Бывший актер и сам не знал, зачем разразился этой судорожной исповедью. Но как ни странно, Вуламара осталась довольна.

— Совпадение? — были ее слова, — не думаю, что бывают такие совпадения. Чтоб столько и сразу. Видишь ли, один из колдунов и просто мудрый человек в Темных Землях... звали его Грихтур. Так вот, около века назад он изучал это ваше «Пророчество». И в трактате своем выдвинул интересное предположение, что так называемый Разрушитель должен быть лицедеем. Причем не абы каким, а успевшим разочароваться в своем ремесле.

Рассуждал Грихтур так. Магия адептов Света... да и наше колдовство в немалой степени основывается на возможности подмены. Когда та или иная вещь наделяется свойствами, которыми изначально не обладает. Но которые угодны колдуну или магу. Например, что есть так называемая вимана? Лодка! А лодки, как известно, плавают по воде, а не летают по воздуху. А страж мой — кто... вернее, что есть на самом деле? Груда костей. Которые и держаться-то вместе не могут. А уж летать... и нападать — тем более.

Но заклинатель захотел — и лодка полетела. А груда костей превратилась в грозное чудовище. Вот только есть люди, которые видят в лодке просто лодку. А в груде костей просто груду костей. Просто привыкли видеть не то, что кому-то хотелось бы. Но то, что за этим стоит. И неверия-недоверия их может быть достаточно, чтобы разрушить столь тонкую штуку, как чары.

— Кстати, — вспомнил зачем-то Илья, — Хранитель вот говорил, что магия приверженцев Света и ваше колдовство — разной природы. Одно основано на созидании... вернее, как раз, на подмене действительного желаемым. А второе на разрушении. Но оказалось, что эти два... явления — в них больше сходства, чем различия.

— О, не всему, что говорят даже мудрые и начитанные, стоит верить, — небрежно отмахнулась Вуламара, — по крайней мере, полностью и без оглядки. В Темных Землях этот ваш Хранитель не бывал точно. С колдовством тоже не сталкивался. Живьем, во всяком случае. Так что... я думаю, с тем же успехом он мог рассуждать о вкусе мяса, отведав бульон из костей.

Тут ведь вот какая тонкость. Да, сила, получаемая из Колодцев, в чистом виде и впрямь очень разрушительна. И некоторые колдуны-недоучки... что еще бездарнее Гарпа, только так ее и используют. Зачем-де усложнять, думать. Но лично я считаю, что ограничивать себя в познании да в развитии своих способностей глупо. Это адепты Света себя ограничивают. Ну и пусть. Это их беда и больше ничья. Я же хочу — создаю, хочу — разрушаю. Как сочту нужным, так и сделаю.

Выговорившись, Вуламара замолчала. На несколько мгновений в комнате повисла тишина. Гости колдуньи тоже не знали, что еще сказать. А затем голос подала Кира.

— Я тут вспомнила, — осторожно начала она, — насчет лицедеев. В общем, в Империи Света они под запретом. По крайней мере, в «старых провинциях». Я сама видела, как какому-то фигляру на улице стража руки заламывала и уводила. Разве что при дворе императорском еще лицедеи остались. Ну, или в резиденциях наместников. И то необязательно.

— Конечно, и это — не совпадение, — снова не столько сказала, сколько размышляла вслух Вуламара, — о трактате Грихтура там, конечно, вряд ли знают. Не думаю, что даже верят в «Пророчество о Разрушителе Магии». Просто адепты Света тоже не дураки. Что-то да замечают. Например, что присутствие поблизости лицедея сказывается на действенности заклинаний не лучшим образом. Даже без желания оно. Это как если бы решил художник

картину нарисовать. Запечатлеть красивый пейзаж. А ему то птица на холст нагадит, то гнус привяжется, не даст творить. Картину-то он, может, в конце концов, и довершит. Но успеет возненавидеть птиц и комаров настолько, что готов будет их всех уничтожить.

Переведя дух, колдунья, наконец, решила подвести под разговором черту:

— Ну да ладно. Насколько я помню, для исполнения «Пророчества», Разрушителю требовалось найти Воплощенную Удачу, Колдунью и Вора. Нетрудно догадаться, что именно за Колдуньей вы притащились сначала в Темные Земли, а потом и сюда. Воплощенную Удачу, как понимаю, вы уже нашли. Ведь о такой своей способности ты говорила, дорогуша? За которую тебя использовали проклятые имперцы?

Последние два вопроса Вуламара адресовала Кире. Та молча кивнула, а хозяйка башни продолжила:

— Теперь, что касается меня. Признаюсь честно, лично мне Империя Света ничем не досаждала. И до ее распрей с варварами мне дела нет. Но. Но! — колдунья зачем-то вскинула руку, направляя указательный палец к потолку, — во-первых, если я помогу вам в исполнении «Пророчества», то заодно хоть мир смогу посмотреть. А то, право, засиделась я тут. Не все из башни носу не высовывать или на деревенщин страху наводить. А во-вторых... есть у меня на примете один знакомый вор. Вы ведь еще не нашли Вора, я правильно поняла?

Гости дружно замотали головами.

— И правда, какой из этого мальчишки вор? — продолжала Вуламара, — да еще из варвара. Вор-варвар — это все равно, что маг-скотовод. Впрочем, не важно. Главное, что вы поможете мне его освободить.

— Пожалуй, — хоть с некоторой неохотой, но согласился Криницкий, — как понимаю, он в тюрьме?

— Да, в городе Лаен-Саран, что в паре ночей пути отсюда. Трудность в том, что у тамошнего правителя на службе состоят оборотни. В одиночку мне с ними не справиться, даже колдовством. А к наемникам обращаться толку мало. Во-первых, испугаются — против оборотней-то лезть. Ну а во-вторых, не всякое оружие способно причинить этим тварям вред.

— Серебро, — изрек Илья, вспоминая найденный в пещере со змеями меч, и колдунья согласно кивнула, — что ж, будет вам оружие из серебра.

Отряд, посланный на помощь бедолагам-поселянам и изрядно потрепанный в схватке с последователями легендарных Текнов, в тот же день вернулся в лагерь. А еще пару дней спустя из столицы пришел долгожданный приказ: выступить в поход. К северным границам и дальше.

Первой целью похода, как приказ тот гласил, стало поселение клана, возглавляемого Вольгроном Сотней Шрамов. Это онный клан был виновен в разорении имперской заставы, случившемся летом. И ответный удар, вернее, попытка удара по этому поселению стоила двух боевых виман.

К нему и двинулись легионы. Вдохновляемые призывами командиров о том, что на карту поставлена гордость Империи Света, ее способность защитить свои земли и подданных. Воины шли, предвкушая возможность битвы — победоносной, конечно. И обещавшей быть легкой. Ибо ни один варварский клан не мог считаться ровней соединению из более десяти тысяч бойцов. Причем не только по численности, но и по выучке, вооружению.

Вот только понимали это и сами варвары. Да и разведка у Сотни Шрамов была организована неплохо. Не говоря уж о том, что три легиона — это все-таки не иголка. Утаить такое количество воинов, оружия, не говоря уж о повозках и ездовых животных, без которых не обходился ни один крупный военный поход, просто невозможно.

Поэтому о военных приготовлениях у границ Вольгрон узнал заблаговременно. И предпочел не гробить попусту клан в неравном бою. Но распорядился поселение — покинуть. Задумав увести людей подальше, в глухие леса... для начала.

Так что, пожаловав к частоколу, окружавшему то злополучное поселение, воины Империи не обнаружили за ним никого. И ничего, кроме пустых землянок и сараев. Даже поживиться внутри оказалось нечем. Одежду, съестные припасы, не говоря об оружии, хозяйственные варвары прихватили с собой. Скот тоже угнали. А предметы быта, вроде деревянной посуды, на взгляд имперцев были слишком убогими, чтобы на них позариться.

И потому только и осталось имперскому воинству, что сжечь брошенное поселение. Чтобы хоть как-то засвидетельствовать свою промежуточную, но вроде победу. Ну, или хотя бы душу отвести.

А командующему меж тем нашлось, о чем подумать. То ли поворачивать назад, по возвращении доложив о том, что миссия-де выполнена, то ли двигаться дальше. И тогда, возможно, добиться более впечатляющих результатов, чем превращение одного варварского клана в бродяг и погорельцев.

В итоге командующий соединением выбрал второй вариант. Справедливо рассудив, что не для того Империя согнала к северным рубежам столько сил и потратила наверняка уйму золота, чтобы свести потом всю затею лишь к прогулке длительностью денек-другой и вульгарному поджогу. Да его, командующего, в столице засмеют при таком исходе. И это в лучшем случае! А в худшем могут либо разжаловать, либо спровадить на покой. Доверив командовать разве что домочадцами и прислугой.

В общем, приказ двигаться дальше прозвучал. И воины продолжили путь вглубь диких варварских земель. Ожидая, кто с опаской, а кто с надеждой, что встретится им хотя бы один клан, коему можно будет дать отведать имперских мечей и копий.

Увы... а для кого-то, впрочем, и к счастью, но таковых до поры не находилось. В походе прошла неделя, другая, а на пути имперским легионам встречалось все то же. Покинутые поселения, пустые жилища. Даже тратить время на их поджоги уже не хотелось — удовлетворения оные не приносили.

А разгадка была проста. Когда женщины, дети, скот, ну и еще скарб кое-какой были надежно спрятаны в лесах, Вольгрон Сотня Шрамов разослал гонцов по другим кланам. Через них он, во-первых, сообщил о вторжении имперского войска, а во-вторых предложил другим вождям союз. Дабы вместе дать бой общему врагу.

Вожди соглашались. С неохотой, правда. Ибо отношения между кланами нельзя было назвать дружескими. И даже общий враг не мог заставить их совсем уж забыть о былых распрях. По этой причине варвары не объединялись со времен Малгора Краснорукого. При чем тот-то союз потерпел полный крах. Вместе с затеей Малгора вторгнуться во владения Империи, не ограничиваясь набегами.

При чем по роковому совпадению происходил тот печально известный вождь из того же клана, что и Вольгрон Сотня Шрамов. Что доверия последнему отнюдь не добавляло.

Но одно дело личные пристрастия с опасениями, а другое — обычаи. Согласно которым варвару предпочтительнее было сражаться, даже погибнуть в бою. А не бегать от схватки или отговариваться от нее. Противостоять же тысячам имперцев силами лишь своего клана смысла не имело точно. Это не то, что вожди — безбородые юнцы, и те понимали.

И потому, когда счет дням с начала похода пошел на второй десяток, а рядовые бойцы начали хоть тихо, но роптать, навстречу легионам Империи вышло целое войско. Несколько тысяч варваров, в нетерпении потрясавших оружием.

Встреча эта не стала для имперцев неожиданностью, тем более неприятной. Она была предсказуемой. По той простой причине, что в природе ничего бесследно не исчезает. Вот и варвары, бросившие свои дома, все равно где-то да должны были объявиться.

Более того! Для командующего то было вообще долгожданное событие — сражение с воинством варваров. И не только потому, что бездействие для этого опытного и деятельного военачальника сделалось совсем уж утомительным. Вдобавок, как рассуждал он, предвкушая битву, разгромить такую кучу врагов в одном месте всяко лучше, чем отлавливать каждый клан по лесам, болотам и горным ущельям.

А главное: в победе именно вверенных ему легионов командующий не сомневался. И дело было не только в численном превосходстве — заметном, видимом невооруженным глазом. Вдобавок вражеское войско больше походило на беспорядочную толпу. Особенно это бросалось в глаза на фоне боевого построения имперцев. Да и конницы у варваров было — кот наплакал. Не говоря уж о том, что имелось в распоряжении Империи кое-что, чего не было у варваров вовсе.

Порядок действий был отработан и теперь выполнялся без раздумий. Роли каждого из подразделений — давно расписаны. Свежие приказы, с коими теперь носились, высунув языки, гонцы, призваны были лишь напомнить, как и кому надлежало действовать.

Огромная масса людей и оружия пришла в движение. А первыми слово свое сказала магия. Множество световых шаров взмыли над строем имперских легионов, чтобы мгновение спустя, устремившись в сторону варварского войска, обрушиться на него сверху.

Шары падали, поражая вражеских воинов в самой гуще того, что варвары по недалекости своей считали строем. То один, то другой из них падал. Но товарищи их — те, что шли рядом — не останавливались. И тем более не собирались отступать.

Сколь бы ни была зрелищна магическая атака, а сраженные ею сотня-другая варваров, казались лишь каплей в человеческом море, продолжавшем двигаться навстречу имперцам. Но командующий не волновался. Ведь сражение только началось. И после магов настал черед проявить себя уже, собственно, воинам.

Выстроенные в ряд, навстречу варварам медленно и неотвратно зашагали копейщики. Огромные прямоугольные щиты с изображением солнца прикрывали их от стрел, летевших с противной стороны. А копья, длиною в полтора человеческого роста, выставленные наконечниками вперед, готовы были опрокинуть передние ряды противника.

Вот первые варвары со стоном боли повисают и замирают, нанизанные на эти копья. И делая сами копья тоже уже непригодными для боя. Но сородичи убитых продолжают лезть, тысячами плоток вопя что-то устрашающее. Или, может, наоборот, подбадривающее — для своих. И не останавливают их ни стрелы, ни светящиеся шары или молнии магов.

А с обоих флангов на это дикое орущее сборище уже ринулись клинья конницы. Всадники врывались в гущу врагов, проносились сквозь нее, рубя мечами направо и налево и вытаптывая по большей части пеших варваров копытами лошадей. Целые борозды проделывали они в войске противника.

Но и варвары не бездействовали. В ход пошли секиры, боевые топоры, а также луки. Лошадям то подрубали ноги, то стрелами выбивали всадников из седел. И мало-помалу разящие, прорезающие клинья начали распадаться. Растворяясь в общей массе сражающихся людей.

За разыгрывающейся битвой командующий имперскими легионами следил с вершины холма. А наблюдая, вспоминал главное правило полководческого мастерства. Следовало нанести как можно больший ущерб противнику прежде, чем он будет способен ударить в ответ. Чем больший урон он понес в самом начале битвы — тем выше твои шансы на победу.

За себя командующий мог сказать, что сделал все возможное, чтобы оный урон был максимально возможным. Но вот обе рати, наконец, столкнулись, буквально вламываясь одна в другую, точно льдины в половодье. И бой превратился в свалку. В которой от него, командующего, со всеми его планами и приказами, уже почти ничего не зависело. А решить исход битвы могло... много чего. Включая даже настроение воинов и слепой случай.

На недостаток боевого духа имперцы не жаловались. Хотя бы потому, что битва прельщала их уже всяко больше, чем затянувшийся в своей бессмысленности марш по пока еще чужой земле. Но вот случай, представившийся-таки в этом бою, оказался для легионов вовсе не счастливым.

Внезапно внимание командующего привлекло гиканье боевого клича, донесшееся, на сей раз, из-за ближайшего леса. Вскоре с той стороны вылетел отряд из пары сотен варваров-конников. И, беззастенчиво обогнув основную массу сражающихся... обрушился напрямик на тылы имперцев. Поражая тех, кто заведомо не мог дать отпор в ближнем бою. Лучников, арбалетчиков. Ну и, конечно же, магов.

«Ах ты, Тьма!» — только и смог выругаться командующий.

Над полем битвы разнеслось протяжное и басовитое завывание рога, трубящего отступление. А гигантская пелена магической защиты, срочно воздвигнутая магами, защищала легионы от варварских стрел, полетевших им вслед.

Поняв, что стрелами защитную дымку не пробьешь, варвары тоже сдали назад. Оставив на поле немало сородичей. Как, впрочем, и их противники.

В общем, обе стороны получили то, что хотели. Бой, после которого никто не смог бы

упрекнуть командующего в том, что вверенное ему соединение имперских легионов сколько-то дней где-то околачивало груши. Свидетельством того, что поход все же состоялся, могли считаться хотя бы понесенные потери.

В свою очередь варвары тоже могли быть спокойны. Ибо поступили в полном соответствии с обычаями. Дали бой врагу, защищая родные земли. А не удирали, не прятались... не только удирали и прятались от него.

Обе стороны получили, что хотели. И каждой оставалось решить, как действовать дальше. Решить... что было, как ни странно, не легче, чем порубить сколько-то ворогов в пылу сражения.

Втиснутый в кольцо крепостной стены из темно-серого камня и тем лишенный простора, Лаен-Саран, если и рос, то разве только вверх. И походил издали на гигантского ежа из-за своих многочисленных башен, шпилей и остроконечных крыш.

До сих пор Илье Криницкому не доводилось бывать в городах этого мира. Поселение клана Вольгрона — не в счет. Даже если по завету Оккама не считать Темные Земли отдельным миром. В чем, кстати, бывший актер сильно сомневался.

Но Илья, по крайней мере, знал кое-что о средневековых городах как таковых. Пусть даже по полузабытому учебнику истории. Слышал, во всяком случае, что были те города тесными и грязными. А еще с наступлением темноты в средневековых городах вроде как замирала жизнь. Разве что воры шныряли по улицам аки крысы. Лишняя то кошелька, то даже жизни гуляк, чья неусидчивость явно превосходила чувство самосохранения. Тогда как большинство горожан — люди мирные и здравомыслящие — предпочитали отправляться на боковую вместе с заходом солнца. Набираясь сил для очередного дня, полного тяжелых трудов. И, конечно, сберегая драгоценное масло для светильников.

Что ж. Теснота в Лаен-Саране действительно присутствовала. Снизу город выглядел сплошным каменным лабиринтом. Дома здесь стояли почти впритык... на уровне верхних этажей. Смыкались, превращая зазоры в арки. Через которые часто и проходили, петляя и извиваясь, узкие улочки, мощенные булыжником.

Имелись в городе улицы и более широкие. Над которыми не нависали карнизы и крыши домов. Но проходя этими улицами, всякий пешеход был вынужден то и дело отскакивать на обочину, пропуская то повозку какого-нибудь работяги и торопыги, то богатый экипаж. Из последних некоторые были запряжены, кстати, не ящерами — этой отчетливой приметой Темных Земель, а редкими здесь лошадьми.

Несмотря на то, что в город Криницкий и его спутники прибыли в сумерках, затихать и засыпать Лаен-Саран, похоже, не торопился. Мало того, что улицы приходилось делить с повозками и экипажами куда-то спешащих людей. Так, вдобавок, гостеприимно открытыми оставались двери лавок и кабаков. Из них на улицы струился робкий свет, к коему еще примешивался нередко огонь из висящих на стенах фонарей. Так что в глухую темень город погружен не был.

Кое-где свет фонарей выделял из окружающей обстановки скудно одетых девиц, что стояли, привалившись к стене. Пару раз путники видели, как то одна, то другая из них договариваются, торгуясь, с прохожими. Чтобы потом скрыться с кем-то из оных за ближайшей, приглашающе раскрытой дверью.

Не заметил Илья и какой-то особенно заметной грязи. Видимо, о чистоте горожане предпочитали заботиться. Опасаясь, не иначе, превратить замкнутое пространство в очаг какой-нибудь эпидемии. А в перспективе — в братскую могилу.

Разве что каменные стены домов были покрыты копотью, отчего выглядели еще темнее — как раз под стать названию этого уголка мира. От дыма, поднимавшегося из сотен труб, еще висел в воздухе своеобразный резкий запах, какого не бывает при сжигании дров. Топили в этих краях, по всей видимости, углем. По примерно той же причине, по какой стояли здешние дома сплошь из камня: леса в Темных Землях отчего-то были редкостью.

Путь до Лаен-Сарана прошел без приключений. Один раз Илья, Кира, Малран и

присоединившаяся к ним Вуламара остановились на ночлег в трактире. И заодно выходцы с другой стороны гор узнали, почему такие заведения здесь походили на мини-крепости.

Объяснение оказалось проще простого. Если в городах еще так-сяк, то за их пределами царило полное безвластие. Хоть разбойники могли там невозбранно бродить, хоть чудовища. Или впавший в безумие колдун принимался метать молнии, уничтожая все, что подворачивалось под руку.

Местным правителям не было дела до происходящего по ту сторону городских стен. Кому-то, как жителям соседней с башней Вуламары деревушки повезло: за защиту они платили дань, а колдунья была не против. Не оставалась в долгу. Всем же остальным приходилось заботиться о своей безопасности самостоятельно. За счет крепких стен — в том числе.

Впрочем, ни чудовища, ни разбойники идущую в Лаен-Саран четверку не побеспокоили. Более того, в свое время Гарп не обманул: трактирщик действительно не стал требовать денег, узнав, что среди путников присутствует колдунья. По этой же причине их пропустила потом и стража через городские ворота. Без проволочек. И пошлины не потребовав.

И теперь, не теряя времени, все четверо направлялись к городской тюрьме. На выручку вору по имени Верем. Который, как про себя предположил Илья, был для Вуламары чем-то большим, чем просто «знакомый» и «на примете».

«До полнолуния далеко, — так прокомментировала еще колдунья оживление на вечерних улицах, — оборотни еще... или уже сыты. На охоту не торопятся, вот народ и не боится. Ну и нам это тоже на руку».

Остановившись в одном из переулков, Вуламара выпустила из сумки Наблюдателя. Явно сотворенное колдовством создание, формой похожее на огромную запятую и увенчанное глазом. Единственным, зато размером с мандарин.

Булькнув, Наблюдатель устремился, надо полагать, в направлении тюрьмы. Тогда как сама колдунья впала в транс. Замерла, глаза ее остекленели.

Через несколько минут Вуламара заговорила — сохраняя отрешенный вид и бесцветным, под стать, голосом:

— Вот она... тюремная башня. У двери стражники... с мечами и алебардами. Значит люди... не оборотни. Те-то сами по себе оружие. Это хорошо. Ну, где же ты, Верем? Поднимемся-ка повыше... и заглянем в окошко. Теперь еще выше. Еще... еще... и еще. Ах ты, Свет, неужели его в подвалах держат? Это сильно осложняет дело.

На последних двух фразах ее голос снова сделался обычным, живым.

— Так плохо? — спросил Илья, когда, пару мгновений спустя, колдунья окончательно пришла в себя.

Та кивнула.

— Одно из двух, — были ее слова, — либо подвалы... а оборотней наверняка держат именно там. Либо верхние этажи. До которых Наблюдателю не долететь... башня слишком высокая.

Остальным на это оставалось только вздохнуть и развести руками. Да еще понадеяться на благоприятные обстоятельства. Вроде вероятной сытости оборотней. Ну и еще дара-проклятья Киры.

Башня-тюрьма, на которую Вуламара сначала посмотрела глазом Наблюдателя, и вправду выглядела внушительно. Массивная, высотой примерно с двенадцатиэтажный дом

из родного мира Ильи Криницкого. Причем располагалась она не абы где, а в центре города. Там, где, по мнению бывшего актера более уместным было находиться самому красивому зданию. Дворцу, например. Или собору.

Но видимо у обитателей Темных Земель были свои представления о красоте — совсем иные, шиворот навыворот. Или только у жителей Лаен-Сарана. Или у правителя этого города.

К тюремной башне прилегала площадь, где еще располагалась виселица — аж десятиместная. Семь петель, правда, пустовали. Зато на трех раскачивалось по трупу. Не первой свежести, судя по запаху, донесенному ветром.

— Похоже, оборотни и вправду сыты, — прошептала колдунья, покосившись на висельников, — по крайней мере, ровно настолько, чтобы воротить нос от мертвечины. Что ж, даже если это не так, лишними те гниющие ребята в нашем деле точно не будут.

Единственный вход и необходимость поиска нужной камеры диктовали новоявленным освободителям вора Верема всего один план. Устранить стражей у входа. А прорвавшись внутрь — рыскать по этажам и камерам, высматривая знакомца Вуламары.

Еще можно было выпустить и остальных заключенных. При возможности и необходимости. Чтобы отвлечь охрану, включая оборотней. Если те заметят попытку побега и в едином порыве попытаются ей помешать.

— Эх, не очень-то я люблю некромантию, — вполголоса ворчала Вуламара, простирая руки в направлении виселицы и творя заклинание, — в отличие от этого ленивого балбеса Гарпа. Но что делать?..

Подстегнутые колдовской силой, покойники сперва зашевелились. Затем один, другой, третий — они вцепились руками в петли, сжимавшие шеи. И с нечеловеческими усилиями принялись их раздвигать, высвобождаясь.

Движения эти не прошли незамеченными. Для стражников.

— Ты глянь! — воскликнул один из них, стяхивая сонливость и апатию, что неизбежно возникают при долгой, однообразной и неподвижной работе. И толкнул вбок напарника, привалившегося к стене.

— Ах, ты ж Свет, — пробормотал тот, встряхнувшись следом, — опять какому-то колдуну неймется. Точняк!

— Конечно, колдун, — согласился первый из стражников, — больше-то кому? Вопрос, че делать будем.

— Дык начальнику доложить. Больше-то че?

— Ага! — возвысил голос стражник, и в голосе его промелькнула обида, — забыл, как он орал прошлый раз? Какого, мол, Света мы ниче сами решить не можем... эдак, скоро задницы наши ему подтирать придется. Бр-р-р. Тем более, я слышал, он еще с обеда зенки залил. Тогда вообще ему лучше не попадаться.

Следя за этим разговором, спрятавшиеся за углом ближайшего к площади здания путники внутренне напряглись. Затея с устранением стражников силами мертвяков вот-вот могла пойти прахом. Заодно с их преимуществом неожиданности. Допускать этого никак нельзя было. И Кира уже держала наготове заряженный арбалет.

Тем временем один из висельников уже спрыгнул на землю. И неуклюжей неторопливой походкой направился к стражникам.

— Ты прав... лучше не попадаться, — согласился между тем один из стражников, чем вызвал у Ильи, Малрана и Киры одновременные вздохи облегчения.

— Попробуем сами управиться, — заключил первый из стражников, — подумаешь, труп гнилой ходить научился.

С этими словами он отложил алебарду, а затем извлек из ножен меч. И так, с мечом наголо, шагнул навстречу неспешно ковлявшему мертвяку.

Криницкий и его спутники видели, как напряглись, судорожно сгибаясь, пальцы Вуламары. Лицо колдуньи тоже выражало непомерные усилия. Но они себя оправдали.

Когда между мертвяком и стражником осталось около двух шагов, последний занес меч для удара. Клинок устремился в сторону изуродованной разложением головы мертвяка... и был перехвачен на полпути. Просто стиснут между ладонями метнувшихся навстречу рук. И удержан с силой, живому человеку недоступной. Если, конечно, этот человек не колдун.

— Так, значит? — злобно прорычал стражник, — ах ты, паску-у-у-у!..

Последнее слово переросло в вопль боли, когда нога мертвяка с коротким размахом угодила в пах стражнику. Тот, согнувшись, повалился на колени... рукоять меча, разумеется, из рук выпускает.

А в следующее мгновение голова стражника слетела с плеч. Снесенная ударом меча, оказавшегося в руках мертвяка. Тем временем успели освободиться и два других висельника. И когда поравнялись с первым, все трое двинулись к входу в тюремную башню.

Поняв, что соотношение сил не в его пользу, а поднятые колдовством трупы — вовсе не беспомощные чучела, оставшийся в живых стражник пересилил страх перед начальником-самодуром. И бросился было за дверь. Да к несчастью своему открывал ее непозволительно долго. Металлические створки оказались слишком тяжелыми.

Тем временем щелкнула тетива арбалета — и юркий болт вонзился точно стражнику в шею. Кира же, когда спутники на нее обернулись, только плечами пожала. А что мол, еще я могла сделать?

С алебардой в окоченевших руках и облаченный в форму, позаимствованную у обезглавленного стражника, один из поднятых висельников стоял теперь у входной двери в башню. Рядом находился стражник, голову сохранивший — в отличие от жизни. Его колдовство Вуламары тоже приспособило к делу.

Оставалось надеяться, что подмену не заметят ни прохожие, ни товарищи погибших стражников. Хотя бы в потемках и с беглого взгляда. Да не заметят, не обратят внимания на трупы, валявшиеся на плитах площади. Ну, или хотя бы не придадут им значения. Подумаешь, лишние куски мяса для оборотней... Чему еще находиться на месте казни?

Внутри башни, вполне ожидаемо, было холодно и душно, как в пещере. Воздуха через многочисленные и маленькие оконца проникало явно недостаточно. Не говоря уж про свет. Лишь редкие факелы чуть-чуть разгоняли темноту. На лестнице, обвивавшей башню изнутри таким ступенчатым серпантинном.

Что ж, тюрьму не зря еще называют темницей: много света в ней и не требовалось. Ни к чему считалось баловать заключенных, многих из которых, к тому же, ожидала виселица. Да и охранникам служба их не должны была казаться медом. Стеречь гигантское мусорное ведро, набитое отбросами рода людского — труд не самый почтенный независимо от мира или эпохи. Что до оборотней, то для них, как сообщила Вуламара, темнота и вовсе не была помехой.

Не могла она сильно помешать и самой колдунье. Как, впрочем, и ее спутникам. Сперва Вуламара хотела при помощи специального заклинания наделить их и себя способностью видеть в темноте. Но вспомнила, что на одного из присутствующих колдовство точно не подействует. И прибегла к иному средству. Сотворив небольшой летающий шар, озарявший путь впереди тусклым кроваво-красным огнем.

Время от времени очередной виток-ряд из ступеней сменялся круглой площадкой коридора с решетчатыми дверями камер. И тогда Вуламара принималась, суетливо подбегая, заглядывать в каждую из них. Да еще то и дело постукивать по решетке, приговаривая: «Верем, ты здесь? Отзовись!»

Но Верем не отзывался. А узники, коих колдунья заставляла в очередной камере, воспринимали ее призывы, кто равнодушно, а кто и как повод хоть как-нибудь, но развлечься. «Я Верем, куколка!» — выкрикивал кто-то из заключенных. Или: «Я не Верем, но тоже кое на что гожусь. Выпусти меня — и узнаешь».

Приглашения самой зайти в камеру тоже звучали. Хоть и гораздо реже.

Всякий раз, когда взволнованная Вуламара начинала окликать заключенных, мечась от камеры к камере, Илье, Кире и Малрану приходилось понервничать. Ибо шум мог привлечь кого-нибудь из охраны.

Да, удача Киры и пьянство начальника сделали свое дело: те, кому поручили стеречь узников башни, не очень-то утруждали себя служебными обязанностями. Во всяком случае, пройдя четыре этажа с камерами, Криницкий сотоварищи не встретили ни одного надзирателя. Заключенные были предоставлены сами себе. И могли... ну хотя бы все повеситься поголовно, убиться головами о стены, прежде передувив сокамерников. Никто из стражей даже бы не всплакнул по этому поводу.

Что было важно для местных церберов — так это возможность или невозможность

побега. Удрать же узники не могли. Не давали решетчатые двери и крохотные размеры оконца.

И все равно тем, кто без спросу проник в башню-тюрьму, не следовало расслабляться. Ведь любая удача имеет свои пределы.

Куда подевалась охрана, Илье и его спутникам стало ясно, когда они преодолели очередной виток лестницы. Еще на ступеньках их внимание привлекли донесшиеся сверху короткие, но громкие крики, перемежаемые металлическим стуком. Перейдя с обычного шага на медленную, осторожную и легкую поступь, все четверо затаились за поворотом. Подался назад и красный светящийся шар. Впрочем, в последнем-то нужды уже не было.

Коридор неплохо освещали три факела: один держал в руке охранник, два других висели на стенах. Всего охранников на этаже присутствовало четверо. Один, как уже говорилось, служил лишним источником света. Второй зевал, переминаясь с ноги на ногу. А третий и четвертый стояли возле двери-решетки одной из камер. «Давай-давай-давай! — покрикивал один, примешивая еще в свою речь непечатные словечки, — да врежь ему, наконец! Я на кого деньгу поставил?..» Тогда как напарник его по зрелищу лишь усмехался.

Зрелище? По тюремным меркам происходящее в той камере, наверное, и впрямь тянуло на это высокое звание. Факелы разгоняли темноту, позволяя разглядеть, как один из узников — коренастый как валун — перетапывался по камере, пытаясь добраться до товарища по несчастью.

Намерения живого «валуна» нетрудно было угадать по сжатым кулакам и зверской физиономии. Но второй заключенный, тощий и куда более проворный, неизменно уходил от этих неуклюжих атак. Увернувшись от очередного удара кулака, тяжелого аки кувалда, он раз за разом отскакивал к противоположной стене камеры.

Других узников этот странный поединок тоже, как видно, не оставил равнодушными. Приникнув к решеткам-дверям, они то покрикивали, то стучали по прутьям, «болея» кто за юркого малого, кто за его камнеподобного противника.

— Верем! — вскрикнула Вуламара, всмотревшись в камеру, где живой «валун», наверное, уже отчаялся хотя бы раз ударить... кого? Вполне возможно, что и впрямь, того самого вора, за которым колдунья явилась сюда в компании Ильи, Малрана и Киры.

Возможно... Но даже будь это так, повышать голос все равно не стоило.

На крик колдуньи почти одновременно обернулись все четыре охранника. Включая тех, кого всего миг назад не волновало ничего, кроме устроенного в одной из камер поединка. Теперь же хотя бы толика служебной бдительности к ним вернулась. А один — доселе скучавший — даже выхватил из ножен меч.

Но было поздно. Красный шар, метнувшийся вперед, врезался в стражника, обратившись в сеть из таких же кроваво-красных молний. Эти молнии буквально пронзили, прорезали человека насквозь, оплетая его. С воплем боли охранник повалился на пол и заметался, перекатываясь с боку на бок. Чем еще сильно замедлил своего напарника — закрепившего факел на стене и тоже потянувшегося было к мечу.

Воспользоваться оружием он не успел. Колдунья сделала легкое непринужденное движение пальцами руки — не то воздушный поцелуй послала, не то отгоняла мух. И в лицо да в глаза стражнику влетели и вонзились сразу несколько игл. Тонких, едва видимых. Зато очевидно острых.

Взвыв, ослепший страж отпрянул, чтобы миг спустя запнуться о тело агонизирующего напарника. Подоспевший Малран пронзил обоих клинком, одного за другим. Не иначе,

избавлял от страданий. Тем временем Кира метнула в одного из двух оставшихся охранников нож... неудачно. После чего еще пару раз выстрелила из арбалета. Последний выстрел достиг цели. Стражник рухнул с арбалетным болтом во лбу.

Последний из охранников то ли был настолько бесстрашен, что не испугался колдуньи, то ли просто понял, что пощады в любом случае не будет. Как бы то ни было, но даже несмотря на неблагоприятный расклад, он все равно кинулся в схватку. Прямо на Малрана... который, впрочем, оказался куда более искусным бойцом.

Парировав предназначавшийся ему удар — почти небрежно, юный варвар развернулся в сторону стражника. И сделал несколько выпадов, со звоном скрестив с ним клинки. Один, другой, третий...

Ни Илья с Кирой, ни Вуламара не мешали поединку — из уважения к спутнику.

Наконец, очередной выпад Малрана увенчался успехом. Стражник свалился на пол, рядом с сослуживцами, тщетно пытаясь закрыть ладонями пронзенный живот.

— Верем! — кинулась к камере Вуламара.

Она не обозналась. Привлеченный ее голосом, соперник «валуна» подскочил и прильнул к решетке. Того и гляди готовый просочиться сквозь нее.

— Вуламара! — не сказал, скорее, выдохнул заключенный вор. И расплылся лицом в беспечно-радостной улыбке, придавшей ему по-деревенски простоватый, даже какой-то ребяческий вид.

Но рано Верем расслабился. Забывать о сопернике по затеянному охраной поединку пока не стоило. До живого ходячего «валуна», медлительного не только в движениях, но и в мыслях, просто еще не дошло, что представление окончено. Зато он успел понять, что досадный вор, унижавший его на потеху надзирателям и другим узникам, зачем-то вдруг остановился. И «валун» не преминул этим воспользоваться — просто, чтобы свести счеты.

Сграбастав Верема за одежду, соперник его сперва оттащил от решетчатой двери, а затем, на манер тарана вlepил вора в ту же решетку. Лицом вперед.

Верем застонал — сразу и от боли, и от обиды, и от досады на человеческую тупость. По его лицу потекли тоненькие струйки крови.

— Трул, с-сука! — взвыл вор, одновременно вырываясь, — тварь тупая, все ведь закончилось! Не видишь?

Резко развернувшись, он врезал «валуну» Трулу ногой сперва по щиколотке, затем в пах, заставляя отступить.

А уже в следующее мгновение соперника Верема охватило пламя. С тупым недоумением, стремительно переходящим в ужас, а затем и во всепоглощающую боль, Трул смотрел, как огонь распространяется по его одежде... касается кожи.

С ревом рухнув на каменный пол, Трул катался по нему, тщась погасить пламя. Но тщетно — огонь только разгорался. А Вуламара шевелила пальцами простертых в его сторону рук, точно кукольник, управлявший марионеткой.

Вежливое покашливание Ильи Криницкого заставило колдунью отвлечься от своего занятия. Вернувшись непосредственно к цели — освобождению Верема.

Тратить время на поиски ключей Вуламара не стала. Оставив Трула в попытках сладить с сотворенным ею огнем, колдунья прибегла к еще одному заклинанию. От которого металлические прутья решетчатой двери сначала покрылись изморозью, затем побелели. И наконец, со звоном рассыпались от единственного пинка Верема. Сделавшись еще более хрупкими, чем даже стекло.

С заметной нетерпеливостью Верем шагнул навстречу Вуламаре. И заключив ее в объятия, крепко прижал к себе.

«Ах, как трогательно», — с сарказмом подумал Илья, на сцене выдавший подобное сотни раз. Но вот в реальной жизни — разве что в молодые годы.

— Эй! Вы! А нас? — донесся грубоватый голос из камеры напротив. К нему присоединились еще два — еще два резких односложных возгласа, больше подобающих животным, чем разумным существам.

Верем и Вуламара разомкнули объятия, отвлекаясь.

— Как его? — небрежно бросила колдунья, столь же небрежно указав рукой в сторону обгоревшего тела Трула.

Желания проситься на свободу, сообщать о своей зависти и недовольстве, как и вообще как-то привлекать к себе внимание у заключенных сразу поубавилось.

— И это все? — ворчал Малран, когда они, уже впятером двинулись обратно, вниз по лестнице, — стоило ли такой толпой тащиться?

Быстротечность схватки, та кажущаяся легкость, с которой им удалось вызволить Верема, юного варвара несколько разочаровала. И напрасно. Потому что до выхода из башни... хотя бы, следовало еще добраться. А потом и город покинуть.

В общем, обратный путь тоже сулил препятствия. Причем столкнулись с оными вор Верем и его освободители уже на лестнице.

Возможно, к служилым обалдуям у входа прибыла смена. И обнаружив вместо сослуживцев мертвяков, которых уже наверняка не поддерживало заклинание Вуламары, сумели сделать верные выводы.

Или, как вариант, эманации колдовства могли встревожить оборотней. Когда-то Илья Криницкий читал статью о повышенной чуткости животных — кошек, например, или собак. Что они-де способны даже будущее предсказывать. Да заметить присутствие привидений, барабашек и иных гостей из потустороннего мира. Оборотни же были ближе к зверям, чем к людям. Так что подобного чутья можно было ожидать и от них.

Как бы то ни было, но уже через два этажа именно они, мохнатые и клыкастые помощники стражи спешили навстречу незваным гостям. Постукивая когтями о каменные ступени.

Оборотней было трое. И обликом, как успел заметить Илья, они являли собой гибрид волка, медведя и, кажется, еще обезьяны. У волка местные оборотни позаимствовали вытянутые зубастые морды. С медведями их роднило массивное телосложение, огромные когти и способность стоять на задних лапах. Ну а сходство с обезьяной придавало то проворство, с которым оборотни преодолевали ступень за ступенью. Опираясь на передние лапы и отталкиваясь задними.

— Простым оружием их не взять, — зачем-то напомнила Вуламара.

А Криницкий, для которого это напоминание было лишним, уже выскочил вперед. Держа наготове меч, добытый из змеиного грота.

Лестница была узкой, так что перевес в численности значения не имел. Будь противников у Ильи хоть сотня, им все равно пришлось бы становиться в очередь. Да еще толкать друг дружку в попытках дотянуться до одинокого врага.

Другое дело, что с серебром или без, а ожидал Криницкий от второго из своих мечей большего. Встретив одного из оборотней ловким, как он сам думал, ударом, бывший актер... оказался сильно разочарован. Клинок не пронзил тварь. Но лишь скользнул по шее и груди

оборотня — по шкуре, оказавшейся неожиданно крепкой. И едва ее оцарапал.

Из глотки оборотня донесся не то рев, не то вой. А миг спустя примеру подраненного сородича последовали и остальные две твари. Звук, который они издавали, не был простым выражением чувств. Илья Криницкий ощущал, как этот рев-вой буквально вливается ему в уши, растекается по жилам, добираясь до сердца и мозга. От адского вопля подкашивались ноги, а видимые предметы расплывались перед глазами...

Причем в ощущениях своих бывших актер был не одинок. То же самое — он заметил краем глаза — испытывали и его спутники. Оседала на ступени смертельно бледная Кира. Пятился мелкими шажочками Верем, тщетно пытаясь найти, где бы спрятаться. Что-то судорожно шептала, вскинув дрожащие руки, Вуламара. И сбивалась, не в силах сосредоточиться. Даже храбрец Малран, взмокший от холодного пота, прижимался к каменной стене, едва удерживая бесполезный меч.

Илья и сам был готов бросить свое оружие. Пальцы помимо воли разжимались, становясь мягкими и непослушными.

А потом один из оборотней прыгнул. И Криницкий не успел ни уклониться, ни выставить перед собой меч. Вернее, не смог. Зато кое-что смогла Вуламара. Когда между Ильей и когтями передних лап оборотня осталось меньше десяти сантиметров, в оскаленную морду твари ударила тонкая, но ощутимо горячая струя пламени.

Криницкий успел прийти в себя и даже ощутить неподражаемый запах паленой шерсти, когда оборотень с истошным визгом покатился вниз по лестнице. На пути он еще столкнул одного из сородичей, увлекая его следом.

Однако третий оборотень оказался не в пример проворней. Увернувшись, он тоже прыгнул на Илью. Тот едва успел выставить перед собой меч. Причем не острием, плашмя. Кое-как. Оборотень врезался в клинок обеими лапами, толкая его перед собой.

Илья чувствовал, что под тяжестью туши, раза в полтора большей, чем он сам, не в силах устоять на ногах. Вуламара не успела вмешаться. Криницкий неуклюже повалился на ступени. Он пытался поднять меч, но лапы оборотня крепко прижимали его.

Зубастая морда была совсем близко. Илья ощущал зловонное дыхание из пасти. И только сумел, что, изловчившись, судорожно пнуть оборотня в брюхо. Чисто на инстинктах. Причинить таким способом урон твари, которой даже серебро меча оказалось не слишком опасным, бывший актер даже не надеялся.

Однако жизнь иной раз преподносит сюрпризы. И порой даже не лишены приятности. Едва нога коснулась брюха твари, как Криницкий почувствовал: тяжесть, давившая на него, резко ослабевает. Затем оборотень чуток сдал назад, заодно отпуская и меч. А еще мгновение спустя, что сам Илья, что его спутники с изумлением смотрели на происходившую с тварью метаморфозу.

Тело сжималось и вроде даже усыхало на глазах. Втягивалась, точно росла в обратную сторону, шерсть. А морда, которой оборотень тряс, словно лошадь, атакванная гнусом, на глазах меняла очертания.

Вскоре на месте могучего зверя стоял человек. Поджарый, даже тощий, и голый. Лично Илье он напомнил рабов из какого-нибудь древнего Египта — как их изображали на картинках или в фильмах.

Удивленно тараща глаза, человек зачем-то осматривал кисти своих рук, поворачивая их ладонями то вверх, то вниз. Произошедшего с собой он явно не ожидал и не понимал. И понять — не успел. Нож, который метнула Кира, вонзился бывшему оборотню острием

прямо в шею.

Брызнула кровь. Коротко вскрикнув, человек упал и покатился по ступеням.

— Надо было убедиться, — так прокомментировала сама Кира содеянное ею, — ну, что моя догадка верна.

Смерть бывшего оборотня от уже простого оружия весьма воодушевила Илью. А мозг, хоть с опозданием, но подсказал причину столь внезапного превращения. По всей видимости, при создании оборотней не обошлось без какой-либо магии, она же волшба или колдовство. И от соприкосновения с самим Разрушителем Магии произошло с плодами трудов неизвестных колдунов примерно то же самое, что случалось с вещами и явлениями, порожденными любым другим заклинанием. То есть неизбежный выход из строя.

А это значило, что опасность оборотней оказалась сильно преувеличенной. По крайней мере, лично для Ильи Криницкого.

Открытие пришлось как нельзя кстати. Один оборотень валялся на ступенях с обгоревшей мордой, второй тоже был мертв. Тот, который успел помимо воли вернуться в человеческое обличье. Зато тварь номер три, хоть медленно и с неохотой, но уже снова поднималась по ступеням. Навстречу Илье и его спутникам.

Бывший актер небрежно отложил меч. И направился навстречу оборотню прямо так — с голыми руками, сжатыми в кулаки. Да с насмешкой на лице. А в памяти всплыла старая кавээновская шутка: «Ты кто? — Смерть — А почему без косы? — Так справлюсь».

— Ну что, зверюга, — зачем-то обратился Илья к оборотню, когда между ними осталось ступеньки три, — потанцуем?

Более грозного оружия, чем оборотни, в арсенале тюремной охраны не нашлось. Так что после того, как уже внизу, на сей раз почти мимоходом Криницкий разделался еще с парой тварей, других попыток остановить его и спутников не предпринималось. Слишком большие выходили потери. Так стоило ли расшибаться в лепешку из-за всего одного сбегающего заключенного? Начальство и охрана тюремной башни, очевидно, сочли, что нет.

Не чинили им препятствий и на улицах Лаен-Сарана. Ни Илья, ни даже Верем и Вуламара не знали, сколько всего оборотней имелось в распоряжении городского правителя. Но как верно заметила колдунья, до полнолуния было далеко. Так что ни одной твари с парализующим волю ревом-воем беглецам не встретилось. Не особо обращали на них внимания и стражники-люди. Хотя бы потому, что их не успели оповестить о дерзком нападении на тюремную башню.

На пути к городским воротам спасенный вор еще опасался, что они могут оказаться уже запертыми. Ночь все-таки уже настала. Верем даже прикидывал на ходу, где, у кого они могли бы отсидеться до утра. Так, чтобы не попасться властям.

Выводы, к которым успел прийти бывший узник, не отличались оптимизмом. Единственный раз угодивший в когти местного правосудия, Верем теперь был уверен, что спрятаться в Лаен-Саране негде. Городские ищейки найдут-де даже в могиле.

Впрочем, убежища в итоге и не потребовалось.

А потом было возвращение сначала в башню Вуламары, а затем в лес, на встречу с Проводником. Ну и обратный путь из Темных Земель — обратный для Ильи, Малрана и Киры. Тогда как Вуламаре и Верему предстояло увидеть мир по другую сторону гор впервые в жизни.

Колдунья ожидала этого со злорадным предвкушением, а вот вор с некоторой опаской, к которой еще примешивались какие-то смутные надежды. Прямо как подросток на первом свидании.

Последнее сравнение, наверное, позабавило бы Верема, поскольку первое в его жизни свидание случилось явно не один и не два года назад.

Догадаться о том было нетрудно. На обратной дороге из Лаен-Сарана беглецы снова останавливались в трактире. И Вуламара вдвоем с беглым вором не зря попросили для себя отдельную комнату. Их спутникам, расположившимся по соседству, только и оставалось, что деликатно игнорировать звуки, доносившееся из-за стены.

В общем, в сердцах сказав о своей наставнице, что в жилах у той вода вместо крови да назвав ее «холодной» вдобавок, бедолага Гарп определенно попал пальцем в небо.

А с другой стороны гор...

Криницкий едва успел выйти из туннеля, как его со спутниками взяли в оборот. Посланник от Вольгрона Сотни Шрамов ждал у самого жилища Проводника. Возмущеник последнего вняв не более чем слон — лаю небезызвестной собачонки из басни.

От посланника Илья узнал о начавшейся войне. О том, что поселение клана превращено в головешки — и не только оно одно. А главное: об имперских легионах, всю топтавших варварские земли. И о битве, которая недавно произошла между ними и объединенным войском союза кланов.

Что требовалось от Разрушителя и его спутников — так это не мешкая отправляться

вместе с посланником. В ставку Вольгрона. И уже там, в разговоре с вождем, Криницкий смог более подробно узнать и о легионах, и об общих раскладах в войне с Империей.

Собственно, ход войны после того достопамятного сражения напомнил Илье игру в гляделки. Что имперские легионы, что варварские рати встали лагерем неподалеку от поля битвы. А поскольку оба воинства и без того были изрядно потрепаны в бою, тот, кто первым бы пошел в наступление, сильно рисковал.

Атаковать труднее, чем отражать атаку — по крайней мере, лобовую. И в отсутствие у атакующей стороны подавляющего превосходства. Так что потери в наступлении из просто серьезных могли перерасти в разгромные. Переход, так сказать, количества в качество. И тем, кто сумеет отразить наступление, останется лишь добить незадачливого противника.

Но мало того, что атаковать первыми было нельзя. Тем паче никак не годилось уходить с поля боя. Во-первых, такой шаг был бы равносителен признанию поражения. Что равно уязвляло и имперцев, и варваров. Ибо стремление к воинской славе и презрение к трусости было единственным, наверное, что их объединяло. Ну а во-вторых, при отступлении или бегстве войско тоже от потерь не застраховано. Противник мог ударить в тыл. А потом гнать и гнать отступающие рати, наскакывая на них да откусывая по кусочку. И в итоге навязать новое сражение. В более благоприятных для себя условиях.

В общем, первый, кто бы дернулся — проиграл. И в этих условиях очевидное преимущество было за легионами Империи. Хоть стояли они на чужой земле, но пока не испытывали трудностей ни с оружием, ни с провиантом. Даже поставки с родины умудрились наладить. А затея одного из варварских вождей с нападением на обозы себя не оправдала. После первых двух успешных налетов имперское командование додумалось приставлять к ним в качестве охраны магов. По паре-тройке всего... однако, и их хватало, чтобы разметать как пепел десятки простых воинов.

Наконец, полог магической защиты, прикрывавший лагерь имперцев, исключал для варваров возможность внезапной, например, ночной атаки. Тогда как сами варвары каждую ночь рисковали сами подвергнуться нападению. Какое могло стать для них роковым. Спящий воин — он ведь примерно так же незащищен, как спящий ребенок. И если умело устранить часовых, все это сборище и бывалых бойцов, и юнцов безбородых можно было перебить, едва ль не походя.

Потому в стане варварского войска мало-помалу воцарились бессонница, раздражение и разочарование. И было неудивительно, что боевой дух оставлял желать лучшего. Все чаще тот же Вольгрон слышал ропот и рядовых воинов, и даже вождей кланов. Раз за разом припоминались застарелые распри и счеты — что какой-то там клан не пришел когда-то на помощь тому клану, к которому принадлежал недовольный. Так почему воины того, последнего, из названных кланов должны проливать кровь за тех, кто когда-то их обманул или подставил?

Все чаще тот или иной вождь выказывал желание забрать своих воинов и обратиться восвояси. Надеясь, что возглавляемый им клан сумеет защитить себя в одиночку. Но еще больше такие вожди-дезертиры надеялись, что имперские легионы до них просто не доберутся. Даром, что надежду эту вслух не высказывали. Зато не прочь были напомнить Вольгрону о его предшественнике — Малгоре Красноруком. Что тоже пытался сплотить варваров против имперских сил. И вон что получилось.

В общем, союзу варварских кланов грозило рассыпаться на мелкие кусочки. Вместе с объединенным войском, что только и способно было худо-бедно тягаться с имперскими

легионами.

Да, место тех кланов, чьи вожди вдруг возомнили, что их хата с краю, могли бы занять другие. Вот только не спешили новые кланы присоединяться к вольгроновой затее. Сколько бы Сотня Шрамов ни рассылал гонцов, и как бы ни увещевал, напоминая о воинской чести да общем враге.

Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться: те из варваров, кто пока уклонялись от участия в войне, банально выжидали. Но могли охотно записаться в союзники Вольгрона... в случае его победы. Смекнули бы, что война сулит им не только пролитую кровь и возможность стать кормом для стервятников. Но еще дает шанс и славу снискать, и трофеями кое-какими разжиться. А за славой и за трофеями сходить в желающих среди варваров недостатка обычно не бывало.

Варварам срочно требовалась победа. Позарез нужно было показать, что Империя не так уж сильна и грозна. И именно с Разрушителем Вольгрон связывал здесь свои надежды.

Что до самого Ильи Криницкого, то план, который помог бы долгожданную победу одержать, начал созревать в его голове, стоило Сотне Шрамов упомянуть магическую защиту. Впрочем, и другим персонажам из пресловутого «Пророчества» нашлась в этом плане достойная роль.

Перво-наперво следовало магическую защиту убрать. Эту задачу Илья, разумеется, взял на себя. Просто прогулявшись потихоньку среди ночи в окрестностях лагеря имперцев. Стоило Криницкому подойти поближе и дотронуться рукой до мерцающей дымки, как дымка эта исчезла. Разом погаснув над всей немаленькой площадью, занятой лагерем.

Заметили ли чужака дозорные? Вряд ли. Даже если посторонний человек, разгуливавший близ лагеря, был примечен кем-то из воинов, факт исчезновения магической защиты оказался куда более заметным. Значил намного больше. Наверняка по всему лагерю бодрствующая часть имперского войска гадала о причинах произошедшего. Так же, лишь гадать, оставалось и магам, которым было поручено в ту ночь вышеупомянутую защиту — обеспечивать.

Сделав дело, Криницкий юркнул в ближайшие кусты и затаился. Будучи готовым в любой момент снова прибегнуть к способности Разрушителя Магии — в том случае, если защита вдруг будет восстановлена.

А тем временем, юркий как крыса и тихий как кошка, в лагерь имперцев проскользнул вор Верем. От него требовалось подобраться туда, где хранились запасы продовольствия и оружия. Местонахождение оных в лагере имперцев было заблаговременно обнаружено с помощью колдовства Вуламары и так называемого Наблюдателя. Коего Илья еще называл про себя «запятая с глазом». Другое заклинание колдуньи из Темных Земель позволяло ее возлюбленному видеть в темноте почти так же хорошо, как днем. А значит, не заблудиться.

Припасы легионов надлежало поджечь... но не сразу. Но одновременно с атакой, дабы раньше времени не вызвать переполох. Не взбудоражить весь лагерь, тем лишив варваров преимущества внезапности. Нет, до того момента, пока в лагерь имперцев не ступили первые из варварских воинов, Верем нашел укрытие в темноте. В тени одного из близстоящих шатров. И старался даже дышать как можно тише.

А еще раньше варваров в имперский лагерь нагрянула толпа мертвяков, поднятых колдовством Вуламары. Трупов на поле боя осталось немало. Вопрос был лишь том, каким количеством колдунье по силам одновременно управлять. Справившись, на сей счет у самой Вуламары, Илья Криницкий узнал, что количество по большому счету значения не имеет.

Ограничена колдунья была лишь во времени, в течение которого она могла поддерживать мертвяков на ходу. Чем больше оказывалось под контролем колдуна-некроманта ходячих трупов — тем на меньшее время их использования хватало сил.

В итоге Илья и Вуламара сошлись на трех сотнях мертвяков и на десяти минутах поддержания в оных подвижности и некоторой боеспособности. Силами мертвых воинов нужно было нанести имперцам как можно больший урон. Так что поднимать мертвецов на поле боя колдунья начала почти одновременно с вылазкой самого Криницкого к границам лагеря.

Прошло около двух минут после того, как дымка магической защиты растаяла в темноте ночи. А к границам лагеря с трех сторон уже подошло по сотне ходячих трупов. Оружия при них не было, переступали мертвяки гораздо медленнее, чем живые. Медленнее... и тише. И потому к лагерю они подобралась, замеченные дозорными лишь в последний момент. А может, причина была в том, что имперцы успели попросту расслабиться. Потеряли бдительность. Понадеявшись на магическую защиту, которую теперь вдруг и зачем-то убрали. Невесть кто.

Запах? Да, запах от сотен мертвых тел не заметить было трудно. Другое дело, что ему не придали должного значения. В конце концов, поле битвы, расположенное неподалеку, благоухало не лучше. И время от времени ветер доносил дух множества разлагающихся трупов, в том числе и до имперского лагеря. Вынуждая его обитателей мало-помалу привыкнуть к этому запаху. И воспринимать как наименьшую из неприятностей, с которыми неизбежно приходится сталкиваться на любой войне.

Так что, когда толпы ходячих трупов оказались в поле зрения часовых, было уже поздно. Мертвяки всей массой навалились на малочисленные группы несших вахту бойцов. Выхватывая у них оружие, ломая конечности, разрывая лица скрюченными, окоченевшими до твердости камня, пальцами.

Никто не успел поднять тревогу. А мертвяки, покончив с дозорами, разбрелись по лагерю. В один за другим они врывались в воинские шатры. Где расправлялись с сонными, не успевавшими добраться до оружия, бойцами.

Разумеется, фора, благодаря мертвякам полученная, не могла быть долгой. Мало-помалу крики гибнущих товарищей пробуждали имперцев в соседних шатрах. И те, подхватывая мечи да спешно облачаясь в доспехи, бросались на помощь.

Живому, да еще и хорошо вооруженному бойцу безоружный мертвяк в противники не годился. Так что очень скоро эта, первая, волна атаки захлебнулась. Обернувшись расправой пробуждающихся воинов Империи над ходячими трупами. Рассеявшись по лагерю, последние утратили свое единственное преимущество — численный перевес. О тактике же в случае с толпой мертвяков вообще не могло идти речи.

Недолгой была полученная благодаря им фора. Ну, так и варвары тоже времени зря не теряли. Обойдя лагерь, они ворвались в него с четвертой стороны. Тем самым оказавшись в тылу бодрствующей части имперского войска, занятой отражением атаки мертвяков.

И одновременно с атакой варваров запылали возы с запасными стрелами и копьями, с набитыми провизией мешками. Это Верем смог... для начала подкрасться незаметно к одному из проходивших неподалеку имперских воинов, несшему в руке факел. Подобравшись к имперцу со спины, вор рывком воткнул ему нож у основания шеи. Кто-то, а этот выходец из Темных Земель вопросами воинской чести и доблести не заморачивался. Зато ловкости ему было не занимать. Факел, выпавший из разжавшейся руки прирезанного

им вояки, Верем подхватил на лету. И немедленно пустил его в дело.

Увидев пожар, часть воинов, занятых уничтожением мертвяков, были вынуждены отвлечься — бросившись на его тушение. Тогда же обессиленной Вуламаре пришлось отпустить многочисленные и невидимые колдовские поводки, связывавшие ее с сотнями ходячих трупов. От чего последние как один повалились на землю, сделавшись просто трупами — опасными разве что как источники болезней.

Но даже это, вроде бы благоприятное, обстоятельство, уже не могло спасти имперские легионы. Тем более что к пожару, устроенному Веремом, вскоре присоединились и другие. Пока те из варварских воинов, что были вооружены мечами и топорами, прорезали лагерь как волк — овечье стадо, за их спинами лучники пускали подоженные стрелы по шатрам, где еще кто-то спал.

Одна из таких стрел, кстати, угодила и в шатер командующего. Правда, начавшийся от нее пожар сам по себе не убил, но лишь разбудил ее обитателя. Более того, если б кто-то взял на себя труд написать мемуары этого военачальника, ему следовало бы упомянуть, что умер он отнюдь не в постели. Но успел выскочить из шатра. И даже скрестить с кем-то из подвернувшихся варваров меч.

Впрочем, едва ли нашлись бы желающие тратить время на мемуары полководца, потерпевшего поражение. Что на чтение оных — что на писание.

Если бы у рыб была шерсть...

Нет, не так! Если бы в некоем поселке, расположенном в приграничном районе на севере Империи, местные жители сразу принялись за разбор развалин, оставшихся после взрыва в доме местного головы, то в подполе они обнаружили бы один труп и одного относительно живого человека. Даром, что пребывающего не в лучшем, мягко говоря, состоянии.

Если бы жители поселка разобрали остатки дома несколько позднее, трупов в подполе нашли бы два. Причем с многочисленными следами от мелких крысиных зубов.

Вот только никто в поселке так и не потруился разобрать обгорелые развалины, оставшиеся от того злополучного дома. Ни сразу, едва доблестные воины Империи разделались со злобным колдуном-громовержцем и его прислужниками, ни несколько позже.

Все, что только и успели поселяне — это поставить новые ворота, починить частокол, ну и еще подлатать свои жилища, пострадавшие от схватки имперских воинов с громовержцами. А потом им вообще пришлось спешно бросить и дома, и поселок, и приграничные земли. В которые внезапно пришла война.

Бросить — и со скудным скарбом на телегах бежать на юг. К большим городам, где, как им казалось, было безопаснее. Надо ли еще говорить, что при таких делах поселянам стало совсем не до развалин взорванного дома. И не до количества оставшихся там трупов. Живых бы спасти!

А коль так, не все ли равно, что могли найти поселяне при расчистке развалин. Рассуждать о том не более полезно для души и разума, чем задумываться о том, как жилось бы рыбам, если б у них была шерсть.

Больше книг на сайте — Knigolub.net